

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лишца, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ИЮНЬ 15 1939 г. ЧЕТВЕРГ № 33 (812) Цена 30 коп.

ГОРЬКИЙ ЖИВ!

18 июня — три года со дня злодейского умерщвления Горького. Срок личностный, если рассматривать его «вообще»; и срок — огромный, если учесть, что эти три года были прожиты нашей страной, страной социализма. Три года наполнены событиями, фактами, делами всемирно-исторического значения.

В течение этого времени была принята Чрезвычайным VIII Съездом Советов Сталинская Конституция, документ, равного которому по значению нет в истории человечества: великая хартия завоеванного, победившего, упрочившегося социализма, первой в мире настоящей, реальной демократии. После принятия Конституции — выборы в Верховные Советы СССР и союзных республик, наша новая избирательная система в действии. Это было торжество сталинского блока коммунистов и беспартийных, морально-политического единства народа, достигнутого в итоге победы генеральной линии партии: в итоге индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, ликвидации эксплуататорских классов. Сталинская Конституция в действии — это означает, помимо всего прочего, рост людей, кадров, выявление творческого богатства народов нашей страны. За эти три года рост новых кадров шел с невиданной быстротой. Очистка партии, советских учреждений и предприятий от проникших туда троцкистско-бухаринских фашистских шпионов, а также от всяческих перерожденцев, бюрократов, клеветников, трусов, расчистили дорогу для новых, свежих, полных энергии и чувства нового, творческих сил. Стали лучше работать наши фабрики и заводы, совхозы и колхозы, учреждения и вузы, больницы и школы.

Сколько новых имен заблестало в стране, сколько новых подвигов совершено советскими людьми! Имена Полины Осипенко, Марины Расковой и Валентины Гризодубовой, имена Коккинаки и Гордиенко прогремели по всему миру, пробуждая в советских людях силу новых дерзаний, жажду творчества во всех областях работы. Новая волна соревнования, поднявшаяся в дни перед VIII съездом партии, расширяется с каждым днем. VIII съезд партии с гениальной сталинской ясностью и величием дал стране программу перехода от социализма к коммунизму, программу нового соревнования с капиталистическим миром на неизмеримо более высоком историческом уровне. Весь мир почувствовал возросшую мощь страны социализма. События у озера Хасан заставили всерьез задуматься фашистских агрессоров. Советский Союз выступает во главе всех антифашистских сил, всех сил, заинтересованных в мире и в отпоре агрессорам.

Нет возможности перечислить все подвиги и дела нашей родины за прожитые три года. Но можно с полной уверенностью сказать, что не было ни одного такого события, ни одного сколько-нибудь значительного факта в жизни советских народов, в котором не участвовал бы, вместе со всеми нами, борющийся, могучий, живой Горький.

Он участвовал, всеми образами своего творчества, во всенародном обсуждении проекта Сталинской Конституции. Мы вспоминали пророческие его слова, сказанные одним из героев романа «Мать»: «Россия будет самой яркой демократической землей!». Только глубокая связь с народом и непоколебимая вера в его силы, только кровная связь с большевистской партией дали Горькому возможность предвидеть будущее своей страны.

Обсуждение Сталинской Конституции и последовавшие выборы в высшие органы сопровождались замечательным явлением, значительность которого мы, быть может, не оценили еще в должной мере. Люди почувствовали громадное расширение всех горизонтов, всего мира, — и у них возникла потребность рассказывать о себе, о своей жизни, о прошлом и настоящем, делиться своими мечтами. В этом выражался рост и обогащение личности, осознание массами народа органической связи личного и общего. Сколько великодушных, суровых, драматических и счастливых историй жизни прошло перед нами в памятные эти дни! И в каждой такой истории жизни человека из народа жил Горький, жили образы его героев: токарей, столаров, слесарей, пекарей, плотников, матросов, «приказчиков», прачек и большевиков, «мальчишка на побегушках», сапожников, батраков, — огромная трудовая Россия, нарисованная человеком из народа, «Максимычем», как

уважительно называли его, еще в юные его годы, рабочие, с которыми доводилось ему вместе работать. В произведениях Горького вставала Россия, «беременная революцией», готовившаяся к своему завтрашнему дню.

Когда страна слушала величественные слова вождя о том, что «только народ бессмертен. Все остальное — преходящее», о том, что главное — в людях, в кадрах, о счастье и доблести труда при социализме, о ясном и определенном человеке, до конца преданном народу и беспощадном к врагам народа, или о борьбе с пережитками буржуазного отношения к человеку, когда человек стоил дешевле скотины, или о чувстве нового, о смелости в отказе от устаревших догм и канонов, — в нашем сознании вставали образы горьковского творчества. Мы понимали, какими глубокими корнями связан Горький с партией Ленина—Сталина, мы ясно видели, что в делах, совершаемых народом под руководством партии большевиков, осуществляется мечта лучших людей человечества, в первых рядах которых был наш Горький.

Горький выразил в своем творчестве мечту народа о труде, служащем общему счастью, о жизни, в которой материнская забота о человеке будет характеризовать отношение личности и общества (это является главной темой романа «Мать»), в которой творчество, неистинное стремление к новому будет свойственно каждому, в которой расцветут материнство и детство, в которой Человек и Труд будут подняты на подобающую им высоту, в которой сильные, дерзкие, смелые люди, твердо знающие свои да и нет, умеющие любить и ненавидеть, станут хозяевами и творцами.

Творчество Горького было борьбой за диктатуру пролетариата, за коммунизм, и поэтому Горький живет во всем том, что совершают народы нашей страны под водительством партии большевиков.

Горький живет, борется вместе с нами против фашистского изверства, против кровавых агентов фашизма, троцкистско-бухаринских шпионов и убийц. И в наши дни лучшие люди интеллигенции всех стран объединяются под тем знаменем, на котором горит имя Горького. «С кем вы, мастера культуры?» — на этот вопрос, поставленный Горьким, отвечают все те, у кого есть мужество и честь, кому дорога культура: мы — с теми, кто борется за мир, против фашизма, против варварства и озверения.

Горький разоблачил в своих статьях отказ от всего человеческого, характеризующий фашизм и его агентуру. Он ввел понятие «человекоподобие» для фашистских выродков. Он звал мастеров культуры к борьбе против новой чудовищной войны, подготовляемой фашизмом, к объединению всех демократических сил. И сейчас, когда передовое, прогрессивное человечество готовится дать отпор фашистской агрессии, — с нами живет, вместе с нами борется Горький.

В дни судебных процессов над фашистскими выродками мы вспоминали фигуры буржуазных отщепенцев, двурушников, врагов народа, избранных Горьким с творческой силой ненависти, — фигуры Клима Самгина, провокаторов и шпионов из повести «Жизнь ненужного человека», из рассказа «Карамора», — предшественников троцкистско-бухаринских лакеев фашистских разведок.

Мы вспоминаем огненные статьи Горького, призывавшие к позорному стыду фашистских извергов, троцкистско-бухаринских убийц, — в том числе статью, которую Горький отозвал на злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова.

У фашистской буржуазии и ее наемных убийц было много оснований ненавидеть Горького. Они убивали нашего Максимача; они думали, что они убивают и мечту Горького, и его могучее слово. Но Горький жил! Горький будет жить завтра, в дни предстоящих боев с фашизмом, и в дни победы коммунизма во всем мире!

Горький жил в традициях всего передового, прогрессивного человечества, он жил и в традициях нашей социалистической литературы, и в традициях мастеров культуры всех народов. Горький не может умереть, потому что не может умереть вера человечества в жизнь, достойную человека, потому что не может умереть дело коммунизма. Горький жил, потому что «только народ бессмертен»!

ГОРЬКОВСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ

Трехлетие со дня смерти А. М. Горького отмечается в Москве серией вечеров, докладов и лекций. В ряде московских кинотеатров проводятся выступления писателей и поэтов, которые рассказывают зрителям о жизни и творчестве великого писателя.

Несколько вечеров устраивается в парках культуры и отдыха. Такой вечер состоится сегодня в Измайловском парке, 17 июня в Зеленом театре Сокольнического парка. На следующий день в Сокольническом парке организуется детский горьковский утренник.

В день третьей годовщины со дня смерти А. М. Горького — 18 июня — в Центральном парке культуры и отдыха состоится массовое собрание, устраиваемое Академией наук СССР и Союзом советских

писателей. Вечер будет транслироваться по радио.

16 и 17 июня в клубе Союза советских писателей проводится «Горьковский вечер». На научной сессии Института мировой литературы им. А. М. Горького будет прочтено несколько докладов о жизни и творчестве великого писателя.

Всероссийский радиокomitee организует несколько литературных передач, посвященных Горькому. Московский телевизионный центр показывает 18 июня «Васю Железнову» в исполнении драматического коллектива клуба «Красный деревообделочник» и 20 июня — «Дачники» в исполнении артистов Ленинградского драматического театра им. Горького.

М. Горький

ПО ПОВОДУ ЗАМЕЧАНИЙ Н. К. КРУПСКОЙ

«По поводу замечаний Н. К. Крупской» является ответом А. М. Горького, написанным в 1928 г. на записку Н. К. Крупской о пятилетнем перспективном плане издания классиков.

Публикуемый материал войдет в III том Архива А. М. Горького, подготовляемого к печати Институтом мировой литературы им. А. М. Горького. Автограф хранится в Архиве А. М. Горького.

Сологуб. «Мелкий бес». Из всей прозы Сологуба это, — на мой взгляд, — единственная книга, которую следует издать. В лице Передоновца, автор дал тип педагога эпохи самодержавия наиболее удачный, несмотря на его — Передонова — патологию. Все, что до Сологуба писалось о педагоге — «человек в футляре» — покрыто, завершено Сологубом. Книга эта требует предисловия, которое дано бы хорошою картиною эпохи «передоновины». Необходимо указать на роман «Мелкий бес» Генриха Манна, почти совершенно аналогичный роману Сологуба. Роман Г. Манна вышел в изд. Саблина.

Фет. В поучение совр. поэтам не мешало бы издать томик его избранных стихов. Главное из «Вечерних огней». С той же целью надо бы издать «Пламенный круг» Сологуба. К этим стихам необходимо предисловие на тему «Пассивный романтизм и его связь с пессимизмом».

Лесков. Нужно издать: «Очарованный странник», «Общественный», «Вечер», «В агитации», рассказ об Иоанне Кронштадтском, несколько крестьянских рассказов, «Несмертельный Голован» и некоторые «исторические анекдоты». Лесков характерен отрицательным отношением к деревне и высоко ценит знание языка, богатством лексики.

Гончаров. «Фрегат II» — конечно устаревшая и неинтересная книга. Для знакомства с Г. издан «Сломов».

Достоевский. Нахожу, что «Бесы» должны быть изданы только при условии: с предисловием, которое дано бы очерк всей контрреволюционной литературы: Ключников — «Марев», Крестовский — «Панургово стадо», Писемский — «Воблачное море», Лесков — «На ножах». Иначе — не вижу оснований издать отдельно «Бесов», они, ведь, есть в «Пол. собр. сочинений».

Надсон, Плещеев. Не понимаю, кому они нужны. Почему же тогда не издать Полонского? Мен? Случевского? Вагнер. «Кот-мурышка». Что же у него ценно? Фантастическая и сентиментальная сказочка «Мила и Нолла»? Вагнер — метафизик, спиритуалист, занимался и спиритизмом вместе с Бутлеровым. См. polemiku с ним Д. П. Менделеева.

Омулевский. Такие бездарные романы, как «Шаг за шагом», у нас теперь издается десятками.

Серошевского, Скитальца, Михайлова-Шеллера едва ли будут читать, — скучно. Мицкевич — а что издать? «Лезцы» и «Копрац Валленро»? Очень плохие переводы.

Поэты и писатели наименьше находят место в «Альманахах». Поляки. Есть ли смысл издать Элизу Ожешко, Клемса де Юношу и вообще польских народников? «Спартак», «Обрученные» Манюши, «Овод» Войнича, Эрман-Шатриан «История крестьянина», «Записки рекрута» — нужно издать.

Шнейдер — «Яма» — дубок, Шпильгаген — скучно и длинно.

Полец — «столтовец»; лучше издать на его тему Рене Базена или Эстонье.

Гюго — «Эринион» нет перевода. Издать нужно «93-й год».

Сизани Афанасьева. Не думаю, чтоб можно было установить, «как одна и та же сказка варьируется в устах кулака, середняка, бедняка». Во всяком случае это — задача ученого и талантливого этнографа.

Гаршин, Стешняк, Левитов, Шмелев, Мопассан, Шоу, Бьерсон показаны в списке изданными.

Бичер-Стоу? — Старо это.

Брет-Гарта — следует издать, он «смягчает нравы».

Мое предложение.

Издать: Слепцова. «Трудное время».

Осиповича-Нововерского. «Из записок ни павы ни вороны».

Нужевского. «Николай Негорова».

Глеба Успенского. «Нравы Растрепяевой улицы», «Власть земли». Рассказы.

Помаяловского. Молотов. Мещанское счастье.

Станковича. Морские рассказы.

Апп. Майнова. «Три смерти» и некоторые избранные стихи.

Фопанова — томик стихов.

Андрей Струг. «Христос», «Сократ».

Тетмайер. «Горные орлы».

Реймтор. «Король Андрей» — кажется?

Сониневич — «Бартек победитель» и другие рассказы.

Жеромский — «История греха», «Пепел».

Даниловский. «Поэзия»?

Войнич. «Овод».

В списке иностр. авторов, изданных Гиз'ом, помечены некоторые издания «Всем литер-ым». Но еще больше не помеченных и, в их числе, такие дорогие и важные, как Вольтер, «Орлеанская дева», 2 тома с гравюрами. Где они?

За пять дней

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РЕЖИССЕРОВ

13 июня в Москве открылась всесоюзная конференция режиссеров, созванная Комитетом по делам искусств. В Большом зале Всероссийского театрального общества собрались виднейшие представители советского театра: режиссеры, дирижеры, актеры. В работе конференции принимает участие 476 работников театра. Большинство делегатов — режиссеры периферийных театров.

Цель конференции — подвести итоги театральной работы за прошлые годы и наметить дальнейшие пути развития советского театра.

Конференцию открыл и. о. председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР т. М. В. Храпченко.

Большую яркую речь произнес заместитель председателя СНК СССР т. А. Я. Вышинский. Он говорил о расцвете социалистического искусства нашей страны. За 1938 год 76 млн. зрителей посетили 800 театров Союза. Сильно выросли за этот год самодеятельные коллективы страны. На многочисленных сценах рабочих и колхозных клубов можно видеть прекрасное исполняемое талантливым молодежью сложные классические постановки.

Советский театр — величайший фактор культурной революции, культурного строительства, — сказал т. А. Я. Вышинский, обратившись с призывом к работникам театра и дальше неустанно бороться за утверждение социалистического реализма на советской сцене.

Затем начальником театрального управления Комитета по делам искусств т. А. В. Соловьевым сделан доклад о творческих задачах советского театра.

На дневном заседании конференции 14 июня народный артист СССР С. М. Михалок выступил с докладом о роли и месте режиссера в театре. Заслуженный деятель искусств А. Д. Попов — о творческом воспитании актерского коллектива.

14 июня вечером участники конференции прослушали в Большом театре оперу Глинки «Иван Сусанин».

Сегодня конференция продолжает свою работу.

СЕМИНАР КРАСНОАРМЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

11 июня закончил свою работу семинар-совещание красноармейских писателей и поэтов, организованный редакцией журнала «Красноармеец».

На семинар прибыли из разных частей молодые писатели и поэты Красной Армии, активные авторы журнала «Красноармеец».

Многие из писателей, приехавшие на семинар, как, например, тт. Н. Шербаков, М. Крючин, П. Бурлака, И. Горелов, систематически работают над военной тематикой и имеют уже книги стихов, рассказов и очерков.

Семинар открылся докладом полкового комиссара т. Шаврина о задачах красноармейской печати и советской художественной литературы в связи с решениями XVIII съезда ВКП(б).

А. С. Новиков-Прибой и В. И. Лебедев-Кумач провели с участниками семинара интересные беседы о своей творческой работе.

Беседу об очерке провел писатель В. Ильенков. Композитор А. Новиков рассказал о работе над красноармейской песней.

Интересные лекции прочли академик Ю. М. Соколов (о фольклоре) и профессор Л. И. Тимофеев (о новелле).

Участники семинара посетили музей В. И. Ленина, музей М. Горького и А. С. Пушкина и Третьяковскую галерею.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПРОЗАИКОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

БАКУ. (От наш корр.) Пять дней продолжалась конференция прозаиков Азербайджана. На конференции присутствовали драматурги, поэты, преподаватели вузов и средних школ, студенты литературных факультетов.

Конференция заслушала доклады о творчестве Ордубады, Миржалала, Энвера Гафар-оглы, Абулгазана, Али Кара-оглы и Сабит Рахмана.

В прениях по докладам выступили: тт. Самед Вургун, Сулейман Рустам, Кирецки, Сулейман Рагимов и председатель ССП Азербайджана т. Расул Раа.

Все выступившие отметили значительный рост азербайджанской прозы за последние годы.

ОБЛАСТНОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

ЯРОСЛАВЛЬ. (От наш корр.) Для увековечения памяти великого русского поэта-ярославца Н. А. Некрасова и поэта Л. Н. Трефолева областное правительство создало в г. Ярославле областной Литературный музей. В нем будут сосредоточены все имеющиеся в области материалы о Некрасове, Трефолеве и других писателях-ярославцах.

Открытие Литературного музея приурочивается к столетию со дня рождения Л. Н. Трефолева (сентябрь с. г.).

Бывшее имение Н. А. Некрасова (Карабиха, в пятидесяти километрах от города) решено превратить в Дом творчества и отдыха работников искусств и литературы области. В г. Ярославле будет поставлен памятник Н. А. Некрасову.

КОЛХОЗНЫЙ ФИЛИАЛ ОРДЕНОНОСНОЙ БИБЛИОТЕКИ

ЛЕНИНГРАД. (От наш корр.) В с. Дубровно, Порховского района, Ленинградской области, состоялось открытие колхозного филиала Государственной орденоносной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В книгохранилище нового филиала около 6.000 томов, в течение ближайших месяцев это количество книг увеличится до 8.000. Кроме того требования читателей колхозного филиала — колхозников и сельской интеллигенции — будут выполняться основные фонды Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«ЗАГАДОЧНОЕ ЗНАМЯ»

Под таким названием вышел роман о революционной казахской интеллигенции казахского писателя Сабит Муканова.

На днях в Алма-Ате по инициативе городской библиотеки состоялось обсуждение этого романа. На вечер собрались рабочие, колхозники, учащиеся и преподаватели средних и высших учебных заведений Казахстана, деятели искусства и науки, а также казахские писатели, поэты, агиты, литераторы.

С докладом о романе выступил казахский критик Е. Исмаилов. Он ознакомил собравшихся вкратце с содержанием романа и дал краткую характеристику основным героям.

Новый роман Муканова, — сказал тов. Исмаилов, — является ценным вкладом в сокровищницу казахской советской литературы. Впервые в истории казахской литературы появляется роман о жизни советской казахской интеллигенции. Это — новое явление для нас.

В обсуждении приняли участие, кроме писателей и литераторов, много читателей. Все выступавшие, дав положительную оценку талантливому произведению, однако, указали на нецелесообразность отдельных образов и глав романа.

К 20-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ СИБИРИ ОТ КОЛЧАКОВЩИНЫ

НОВОСИБИРСК. (От нашего корр.) Осенью этого года исполнится 20 лет со дня освобождения Сибири от колчаковщины.

К этому празднику областное издательство решило выпустить книгу очерков и рассказов о 80-тысячной армии Ефима Мефодиевича Мамонтова, самой крупной партизанской армии в Сибири. Кроме этого будет издан исторический художественный очерк В. Вячланцева «Кольчугинское восстание» и две книги Коленд. Урманова — рассказы о гражданской войне и исторический очерк о Франце Суворове, руководителе большевистских подпольных организаций во время колчаковщины.

Шестая книга журнала «Сибирские огни» целиком посвящается разгрому колчаковщины. В журнале будут напечатаны статьи, очерки и рассказы о Красной Армии и о партизанском движении.

В Барнауле Дом народного творчества объявил конкурс на одноактную пьесу о борьбе с колчаковщиной. За лучшие пьесы установлены три премии. Срок конкурса 1 сентября.

«НАД БЕРЕЗОЙ-РЕКОЙ»

МИНСК. (От наш корр.) На днях в клубе писателей состоялось чтение и обсуждение новой пьесы в стихах писателя-орденоносца Петро Глебова «Над Березой-рекой».

В пьесе показаны суровые дни борьбы белорусского народа против белополяков оккупантов в 1920 году.

В центре пьесы образ Серго Орджоникидзе.

Выступавшие на обсуждении писатели Я. Колас, К. Крапива, М. Лыньков, Г. Березкин, Е. Романевич, А. Кучар, А. Шаранов, Э. Каган дали положительную оценку пьесе.

Пьеса принята к постановке Витебским белорусским государственным театром.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ИСКУССТВА

Сегодня в Москве начинается свою работу конференция по истории русского искусства, созванная Комитетом по делам искусств при СНК СССР и Государственным Третьяковским музеем.

Впервые собираются деятели и историки советского искусства для широкого обмена накопившимся опытом и совместной научной работы.

На конференции будут заслушаны 15 докладов.

С докладами выступят тт.: А. Лебедев, Н. Мнев, Н. Коваленская, М. Аллатов, Г. Нелюшин, Г. Жидков, С. Гольдштейн, С. Дружинин, Р. Кауфман, И. Моргунов, О. Вольценбург.

Опытенными по докладам выступают тт. Ю. Дмитриев, Г. Преснов, Я. Пастернак, Л. Динцев, А. Савинов.

Конференция будет работать в залах Государственной Третьяковской галереи и продлится с 15 по 29 июня.

Возвращение в Москву

Немецкий поэт Эрих Вайнерт недавно приехал в Советский Союз. Почти два года он пробыл в республиканской Испании, находясь до последнего момента в рядах 11-й Интернациональной бригады, помогавшей частям Листеры и Модесто прикрывать отступление республиканской армии, он вместе с ней перешел французскую границу. Эрих Вайнерт на собственном опыте испытал все «преlestи» французского гостеприимства в концентрационном лагере Сен-Сиприен, откуда он был освобожден вместе с Людвигом Реном лишь благодаря усилению хлопотам французских друзей из Международной ассоциации писателей.

Последние два года я мог заниматься творческой работой лишь поскольку она совпадала с моей деятельностью на фронте борьбы с фашизмом. Вернее, вся моя творческая работа была подчинена этой задаче. Я участвовал в борьбе не только как поэт, но и как агитатор, как политический комиссар 11-й Интернациональной бригады. Я читал свои стихи на интернациональных антифашистских вечерах, выступал на митингах и барельефом радио с призывами о помощи испанскому народу.

Написанные за это время стихи, песни, короткие сценки и рассказы, вошедшие в заканчиваемую мной теперь книгу «Камарадас», предназначались в первую очередь для этих выступлений, а также для того, чтобы их пели и читали бойцы. Многие из них были напечатаны во фронтовых газетах. Это видно уже по их названиям: «Песня интернациональных бригад», «11-я бригада», «Батальон Эгара и Андра», «Песня о Тельмане», пользовавшаяся особенной популярностью у германских антифашистов. Чтобы познакомить бойцов нашей бригады с современной испанской литературой, с думами и чувствами испанского народа, я переводил испанских поэтов Луиса де Талиа, Рафаэля Альберти и других. Широкое распространение среди бойцов получили также переведенные мной на немецкий язык новые советские песни о Сталине, о Ворошилове, о родине, «Конармейская» и стихи «Привет Советскому Союзу», прочитанные мной впервые на торжественном собрании, которое мы устроили в честь 20-й годовщины Октября в одной маленькой деревушке на арагонском фронте.

Расставаясь с Испанией, я написал прощальное обращение бойцов интернациональных бригад к испанским товарищам. Оно было опубликовано в последнем номере фронтовой газеты «Пасаресмо». Никогда не забуду сцен прощания испанского населения с бойцами интернациональных бригад. Весь город был на ногах, когда они в последний раз проходили по улицам Барселоны. Женщины прорывали оцепление, обнимали и целовали бойцов и буквально засыпали их цветами. Эти сердечные прощания показали, как сильна признательность испанского народа к зарубежным антифашистам, на деле доказавшим ему свою солидарность.

Затем наступили трудные дни. В ожидании пока будет разрешен выезд за границу, бывшие бойцы интернациональных бригад были расквартированы в «демобилизационных лагерях». Гора желанием выполнять до конца свой долг, помочь испанскому народу справиться с внешним врагом и агентами пятой колонны в тылу, демобилизованные члены интербригады очень болезненно переживали вынужденное бездействие. Чтобы поддержать моральное состояние бойцов, написавших после распуска бригады свои газеты, мы с Людвигом Реном и другими товарищами еженедельно проводили культурно-политические вечера, читали лекции и доклады по различным вопросам.

11-я Интернациональная бригада в ноябре 1936 года первой пришла на помощь Мадриду. Она была последней из интернациональных бригад, покинувших испанскую территорию.

Кусок голубой степи, ороженный проволочкой, без каного бы то ни было намека на человеческое жилище, — вот что представляла собой концентрационный лагерь для 70 тысяч испанских беженцев, организованной в Сен-Сиприене французскими властями. Измученные и уставшие люди, протропные в своих легких летних одеждах (в это время мороз по ночам достигал 4 градуса), старались теснее прижаться друг к другу, чтобы согреться. Некоторые рыли углубления в земле и там пытались укрыться от дуящего с гор холодного ветра — мистрала. Скучное питание — одна буханка на 6 человек и непригодная для питья тухлая вода... Грубые окрики охранников лагеря сенагальских стрелков и черных застав из французского Марокко, так сильно напоминающих своей внешностью марокканцев генерала Франко... И несмотря на это люди не потеряли мужества! На многочисленных бесед, которые я вел во время пребывания в лагере с бойцами и офицерами республиканской армии, я вынес впечатление, что они сохранили стойкость духа и веру в конечную победу над фашистскими поработителями. Особенно меня поразили женщины. Многие из них приходились, спасаясь от фашистских бомбардировок, не раз меняя место своего убежища, пока они наконец не очутились на чужбине. Но их непамять к врагу не угасла.

Расчет французских чиновников, надевшихся, что ужасные условия, созданные ими в лагере, заставят многих беженцев вернуться на территорию фашистской Испании, не оправдалась. То же самое можно сказать и об иностранных антифашистах, бывших бойцах интернациональных бригад. Стойкие революционные бойцы, подвергавшиеся преследованиям у себя на родине, перенесшие вместе с испанским народом все трудности гражданской войны и интервенции, они с частью выдерживают новое испытание. О крепости их духа свидетельствует в частности тот факт, что еще накануне в одном из концентрационных лагерей немецкие антифашисты организовали празднование дня рождения Эрнста Тельмана.

Вилли Бредель и Петер Каст собираются вернуться в СССР, другие хотят перебраться в Америку, где в последнее время замечается сильный рост враждебных настроений по отношению к германскому фашизму.

Возвращение в СССР дает мне возможность вернуться к прерванной работе на переводах стихотворений о Сталине, написанных поэтами всех орденов республик, входящих в Советский Союз. Мною уже закончены переводы стихотворений о Сталине для специального сборника, выпускаемого на немецком языке в связи с исполняющимся зимой этого года 60-летием товарища Сталина. Кроме этого ряд переведенных мной стихотворений о Сталине войдет в сборник «Сталин в сердцах народов», готовящийся сейчас коллективом поэтов.

АНДРЕ ВЮРМСЕР

Новый человек

«Ах! — сказала юная Агая де Монтевро, скромно опустив глаза. — Ах! возлюбленный мой, прощайте! Мой благородный отец против нашего брака. Но когда вы будете играть по моему морю, мысли мои преданно и горестно будут следовать за вами. — Молодой морской офицер был мертвенно бледен, но дог его...»
Книги, написанные в таком стиле, — являются во Франции еженедельно: их продают по десятку пять сантимов (хотя не стоит и этого), и они имеют невероятный успех. Это явление серьезное, ибо книги эти таковы и пошлы. Но если они расходятся в десятках и сотнях тысяч экземпляров, значит они отвечают запросам и вкусам десятков и сотен тысяч наших современников. Или, вернее, наш мир устроен так, что культура, воображение, умственный горизонт людей соответствуют такой литературе.

Хорошо, конечно, стараться постепенно поднимать уровень их образования, развивать в них более достойные вкусы, пробуждать в них интерес к более содержательным книгам, но лучше все-таки было бы сделать общим достоянием культуру более человечную, более реалистическую, обрести прегреты, ограничивающие умственный горизонт людей, и открыть перед ними широкие перспективы.

Люди подчиняются законам и обществу. Но бывает и так, что они создают новые законы и новое общество. И тогда это новое общество создает нового человека.

Недавно во французском издании журнала «Интернациональная литература» появился русский роман под названием «Танкер Дербент». Страстным поклонником Агаи де Монтевро трудно понять эту книгу. Мир, изображенный в ней, чувства, описанные писателем, выведенные им действующие лица (также же люди, как мы, со своими добродетелями и пороками, люди любящие, стражающие, самоотверженные) совершенно новы и чужды для многих наших соотечественников.

В этой книге описано начало стахановского движения: там люди волнуются (и я волновался) по поводу погружи и разгрузки судов, по поводу большой или меньшей скорости вращения лезвий... Там тоже человек «плывет по далекому морю», и «мысли» его жмут крепко и грустно следуют за ним. Но это не «блестящий» морской офицер, и никакой «благородный отец» не вмешивается в их отношения. Это не стереотипный герой воображаемого мира. Это новый человек, но-

вое общество. Да, уже новый человек, новое общество. А что значит двадцать лет для рождения нового человека?

И эта книга тоже разошлась в десятках и сотнях тысяч экземпляров. Это значит, что она отвечает запросам и вкусам десятков и сотен тысяч советских читателей. Или, вернее, советский мир устроен так, что высокая культура и широкий умственный горизонт советских читателей соответствуют такой литературе.

Новый человек — это человек освобожденный. Это человек, которому открыты двери библиотек, в глазах которого реабилитирован труд. Это человек, в которого верят. Старый мир — тот, к которому стремился вернуть нас фашизм, — это мир мрачный, где человека презирают, где людей подразделяют на «высшие» и «низшие» расы, на «избранников» и «покорных подчиненных».

В новом мире люди равны, человеку позволено все, для него нет ничего невозможного, нет преград, он может летать через полюс, менять течение вод, преобразять пустыни, переделывать само себя. Новый человек — это человек, в которого верят.

В эволюцию истинного нового мира важно не только то, что в высших школах Советского Союза насчитывается теперь больше учащихся, чем в высших школах Франции, Англии, Германии и Италии, вместе взятых; важно то, что число учащихся из года в год стремительно растет. Для физического развития советского человека характерно не только то, что Бойченко — первый человек в мире, но то, что число советских чемпионов международного класса из года в год увеличивается. Важно не только то, что «Танкер Дербент» — роман, обладающий большим литературным достоинством, и даже не то, что в Советском Союзе еженедельно появляется немало таких новых книг, а то, что число читателей этих книг стремительно растет из года в год.

Я помню, как в 1936 г. я не мог найти в Ленинграде карамели, которые я ел там в 1934 г. Карамели были довольно невкусными. «О, этих карамелей уже больше не выпускают», — заявила мне, — пишто их не будет теперь покупать».

Так идет вперед новый мир. — И не только там, где дело касается карамели. Молодой растет, развивается, и когда это относится не к одному человеку, а к целому поколению, то растет и развивается оно бесконечно. Нет ничего невозможного для свободного человека, который ипно идет вперед. Вот почему новый человек так нуждается в мире и так глубоко ценит мир. Вот почему он заслуживает всеобщего доверия и всеобщей любви.

Литературная газета

Голос подлинной Испании

Первым моим словом, обращенным к вам, будет слово, символизирующее нашу борьбу и наше единство, слово **самод!** Не знаю, известна ли вам еще не написанная история этого краткого слова, которое говорит гораздо больше, чем это может выразить слова. Слова, как и люди, тоже имеют свою жизнь, живут, и несут и вновь возникают, — живут, умирают и борются, как люди, как сама жизнь.

Во время нашей первой Республикой это слово было приветствием — народом федералистов. Все заставляет полагать, что это слово имело в XIX веке политическое содержание. Во всяком случае, это было безобидным и прогрессивным приветствием, противопоставленным католическо-монархическому «альос». Это слово умерло во время реставрации под сапогом солдата, вместе с живыми надеждами испанского народа.

Это слово воскресило мы, коммунисты, еще в те времена, когда в Испании коммунизм означал подполье и тяжелые жертвы. И я, как писатель, интересующийся подчас любовными деталями, следил в последние годы за развитием этого слова, видел, как оно растет, крепнет вместе с партией и, наконец, во время войны, звучит на каждом устак, живет в каждом поднятном сжатом кулаке, становится символом и цементом единства на всей республиканской территории.

Теперь в Испании это слово оянт ушло в подполье, и произнести его открыто — значит произнести свой смертный приговор. Но это лишь один из эпизодов в истории славного слова. Придет день «реконкисты», когда народ вновь возвратится в Испанию, и слово «самод!» станет братским символом единства испанцев.

Первым нашим ощущением, когда мы, испанцы, попали в вашу великую советскую страну, было ощущение человека, ступившего на твердую землю после поблекновения человека, который после скитаний, тысячи приключений среди врагов и опасностей, потерял дом, семью, родину, испытал упадок воли, превращаясь человека в ветку среднее между ветвью и маленьким жалким зверьком, выпрямляется во весь рост, твердо ступает по земле, открывает глаза, чувствует, как прохладит головокружение после качки, и думает: «Наконец-то мы попали в страну, где на всем ее протяжении, во всех ее уголках люди — это люди и сердца».

В Вента де Баннос, в моей родной Кастилии, убил моего ближайшего друга, моего духовного брата, киноритрика Хуана Пикераса, коммуниста и горячего друга Советского Союза.

Двое других погибли в Астурии: Леопольдо Алас Аргуельес, профессор и писатель, сын знаменитого испанского романиста и критика Леопольдо Аласа («Кларина»), и один из самых талантливых молодых писателей Хуан Антонио Кабесас.

В Вальдолиде, по моим сведениям, убил Исидро Ортегу. Это был идеолог моей жаридской «террульи» (литературного кружка), 25-летний философ, очень серьезно размышлявший положения Умануи и Ортега-и-Гассета оружием марксистской диалектики.

Теперь ответим на другой вопрос: что делали писатели во время войны? Старе, большинство тех, кто в истории испанской литературы зовется «поколением 1898 года», изменили Испанию. Они уехали за границу в начале войны, чтобы остаться за ее пределами. Потом должно было случиться — они склонились на сторону фашизма, не как почетные гости, а как нищие, надеющиеся на корку хлеба после прага, как собаки, вяляющие хвостом перед столом хозяина. Но и фашизму оказались неуживы эти любознательные, и они впадут жалкое существование.

Одно из исключений, великодушное исключение, исключение, — наш великий поэт Антонио Мачадо. Мачадо умер, не пережив трагедии Испании. Душа его не вынесла варварства интервентов, и он остался бездыханным на склоне Пиренеев, как олень, застигнутый пулей охотника. И жалость фашизма доходит до того, что он хочет овладеть славными именами своих собственных жертв. Неслыханная жалость! Сначала разрушают, убивают, стирают с лица земли, а потом пытаются оплести трупами, которые они считают частью своей добычи. Мачадо был на стороне испанского народа с убежденностью, с достоинством настоящего испанца, великого испанца, любящего свой народ. В течение всей войны Мачадо давал нам урок высокого чувства поэтического долга: не отделять себя от народа, быть на высоте его величия, достигнутого в эпической борьбе огромного исторического размаха.

По примеру Мачадо мобилизовала себя на войну вся литературная молодежь. Из нашей среды вышли такие комсары, как Педро Гарфияс и Максимилиано Альберте, Мигель Эрнандес — один из лучших революционных поэтов Испании, и Переса Матеос, двух лучших скульпторов Испании, погибших с оружием в руках, лицом к лицу с врагом.

Таковы дела, но не хуже и творческий итог. Теперь, прехая через Францию, я опубликовал в большом объеме книгу, написанную о нашей войне. Список их длинный и еще не закончен, ибо слово живучее, чем оружие, и когда притупляется оружие, слово удваивает свою силу.

*) Обратное завоевание Испании у марков.

твоя работа: созданию Рабочего университета, проведению цикла лекций, организации провинциальных филиалов Альянсы, изданию журналов и т. д.

А что детали в этот момент фашистские и профашистские писатели? Они организовывали «ежедневные сборники», именовавшиеся «моштыны сумеркам», то есть по субботним вечерам собирались где-нибудь в саду, на «романтическом» кладбище, на холме за городом и читали пошлые старомодные стихи.

Некоторые скажут: «Пусть их! Если они только этим и занимались, то это просто пошляки, жалкие графоманы, но собирались сами по себе так невинно и так бесстыденно, что это еще не фашизм».

Объяснимся. В тот момент, после победы народного фронта, не всякий враг имел смелость публично проявить свою принадлежность к фашизму. Группа «сумерничков» состояла из писателей-аристократов, писателей, уже известных как фашисты, и нескольких писателей-католиков. Победа народного фронта ударила им по сердцу, а многим — по карману. И, как всегда случается, эти люди, видя вокруг себя опасность, боясь за свою судьбу, «ушли» в мистицизм и молитвы — не для того, чтобы покаяться в своих многочисленных грехах, а для того, чтобы скромно переждать грозу и пригрозиться к часу мщения.

И, наконец, как лавина. — война. Прежде всего посвящу несколько полных грусти слов памяти всех погибших товарищей по борьбе, и особенно — писателей, мысль которых была опаснее для фашизма, чем любое оружие, и которые на уничтожение изменили как носители этой мысли. Когда убивают мозг за то, что он мыслит, — а это одно из самых излюбленных преступлений фашизма, — это потеря для всего человечества. Безвозвратная утрата одного из сокровищ его золотого фонда.

Такое преступление было совершено над Федерико Гарсия Лоркой. Для нас его смерть — вечный траур, для фашистов — позор, клеймо которого им никогда не смыть.

Но это не единственное из их преступлений. Еще в начале войны в тюрьме в Пальма де Майорка умер Антонио Эспина — один из самых острых и талантливых писателей нашего поколения.

В Вента де Баннос, в моей родной Кастилии, убил моего ближайшего друга, моего духовного брата, киноритрика Хуана Пикераса, коммуниста и горячего друга Советского Союза.

Двое других погибли в Астурии: Леопольдо Алас Аргуельес, профессор и писатель, сын знаменитого испанского романиста и критика Леопольдо Аласа («Кларина»), и один из самых талантливых молодых писателей Хуан Антонио Кабесас.

В Вальдолиде, по моим сведениям, убил Исидро Ортегу. Это был идеолог моей жаридской «террульи» (литературного кружка), 25-летний философ, очень серьезно размышлявший положения Умануи и Ортега-и-Гассета оружием марксистской диалектики.

Теперь ответим на другой вопрос: что делали писатели во время войны? Старе, большинство тех, кто в истории испанской литературы зовется «поколением 1898 года», изменили Испанию. Они уехали за границу в начале войны, чтобы остаться за ее пределами. Потом должно было случиться — они склонились на сторону фашизма, не как почетные гости, а как нищие, надеющиеся на корку хлеба после прага, как собаки, вяляющие хвостом перед столом хозяина. Но и фашизму оказались неуживы эти любознательные, и они впадут жалкое существование.

Одно из исключений, великодушное исключение, исключение, — наш великий поэт Антонио Мачадо. Мачадо умер, не пережив трагедии Испании. Душа его не вынесла варварства интервентов, и он остался бездыханным на склоне Пиренеев, как олень, застигнутый пулей охотника. И жалость фашизма доходит до того, что он хочет овладеть славными именами своих собственных жертв. Неслыханная жалость! Сначала разрушают, убивают, стирают с лица земли, а потом пытаются оплести трупами, которые они считают частью своей добычи. Мачадо был на стороне испанского народа с убежденностью, с достоинством настоящего испанца, великого испанца, любящего свой народ. В течение всей войны Мачадо давал нам урок высокого чувства поэтического долга: не отделять себя от народа, быть на высоте его величия, достигнутого в эпической борьбе огромного исторического размаха.

По примеру Мачадо мобилизовала себя на войну вся литературная молодежь. Из нашей среды вышли такие комсары, как Педро Гарфияс и Максимилиано Альберте, Мигель Эрнандес — один из лучших революционных поэтов Испании, и Переса Матеос, двух лучших скульпторов Испании, погибших с оружием в руках, лицом к лицу с врагом.

Таковы дела, но не хуже и творческий итог. Теперь, прехая через Францию, я опубликовал в большом объеме книгу, написанную о нашей войне. Список их длинный и еще не закончен, ибо слово живучее, чем оружие, и когда притупляется оружие, слово удваивает свою силу.

Еще рано подводить итог нашей литературе, связанной с войной. Но уже можно говорить, не боясь ошибиться, о великодушном качестве нашей поэзии. Голос поэтов был голосом самой Испании, и теперь ясно, что Платон был неправ, исключая поэтов из своей Республики. Одно из двух: или Олиам спустился ближе к земле, или дела, творящиеся теперь на земле, такого масштаба, что и Олиам уже нельзя взирает на них сверху вниз. Пожалуй, и то и другое.

Альберти, Эмилио Правос, Серрано Пляха, Альтолагирре, Пля-и-Бельтран, Эрнандес и многие другие, известные и неизвестные, отдали свое поэтическое вдохновение делу освобождения Испании, и плоды их совместной работы — большой исторический документ.

Какими литературными произведениями могут похвастать фашисты? Поистине, ничем. За все время войны они не дали ни одной ценной книги, ни одного проблеска таланта. Чтобы иметь своих поэтов, им пришлось оспаривать у нас наших мертвецов. Очевидно, муз — особы полярночные и не хотят иметь дела с убийцами!

Теперь — о днях, последовавших за войной, об исходе, более ужасном, чем сама война. Скажу только, что в первые дни, в концентрационных лагерях, голодая, тлетно стараясь найти кусок хлеба, ногу под открытым небом, большие дисентерий люди подсчитывали, сколько дней такой жизни может еще выдержать каждый из них. Во время войны никогда так не бывало, или никогда не чувствовали такой безвыходности, такой беспомощности, такого бессилия. Постоянно слышалось: «Меня хватит на неделю такой жизни». Или, когда человек разгребал руками песок, чтобы устроить себе подобие туалета! Дел в том, что в предельно худшие ночи умерших зарывали тут же, в песке. Я видел оладьяк, как группа голодных людей пыталась зарезать лошадь. Люди были неопытны, и у них не было подходящего инструмента. Они тыкали лопать ножом, но лошадь не хотела умирать. У нее срезали кусок кожи и старались оторвать кусок живого мяса, чтобы съесть его. Лошадь вырвалась из рук своих мучителей и усакала в поле, тряся окровавленным лоскутом кожи.

Одлажды утром громкоговоритель назвал имена многих из нас. Это было первой вестью для нас друг о друге. Рупор созывал нас на собрание. Все жизнь судя я помнить это собрание, в один из неслыханных дней, когда ветер поднимает песчаные смерчи и сбивает людей с ног. Одно за другим возникали перед нами лица умные лица, лица выходящие с того света. Мы не узнавали друг друга. Мы были грязны, измощены, закутанные в одеяла, больные...

Перед нами еще не растворившись ворота лагеря — слишком много трудностей нужно было для этого преодолеть, но уже повывалась иллюзия, чувство того, что ты не один, не забыт в этом углу.

И — какой парадокс! Интеллигентны, всегда считавшиеся не способными к организации и самоорганизации, оказались первыми и лучшими организаторами солидарности в лагерях. Поистине великодушный работник французский комитет помощи. Наши французские товарищи Арагон, Тристан Тара, Рено де Жуверель, Рена Бель и все остальные сумели выволоть нас из концентрационных лагерей, а потом, при помощи всех писательских организаций — в этом большое дело — сыграв роль советских писателей, вывели нас измученно и благодарно в деревню и к своим писателям, разместив нас на французской территории в ожидании окончательного разрешения вопроса. Когда я уезжал из Франции, до этого было еще далеко. Некоторые жили в Париже, крайне нуждаясь, без легальных документов, в полной зависимости от произвола полиции. Другие — в частных загородных владениях, в хороших условиях, но с такими ограничениями в смысле свободы, что я, например, назвал свою «реиденцию» в Шпелье-Реванье «зеленой тюрьмой». Иные находились в Тулузе. Во всем же большинство испанцев содержались в особом лагере, но там, насколько мне известно, нет ни одного писателя.

Эмиграция направляется в Мексику, хотя туда еще никто не выехал, в Чили (для этого ожидается приезд в Париж поэта Пабло Неруды). Небольшая группа собиралась окончательно остаться в Париже. Другие хотят вернуться в Советский Союз.

Проблема эмиграции — это часть проблемы испанской культуры и нашего, писательского, участия в дальнейшей борьбе за освобождение Испании. Эмигрировать куда глаза глядят, чтобы потом вернуться от Испании и от тех залат, которые антифашистская борьба последовно ставит перед испанской интеллигенцией, — нет, нет! Такая эмиграция была бы репрессией. Фашизм обречет испанскую культуру на загнивание и асфю, и мы должны стать ее продолжателями — снова за пределами Испании, а завтра — снова на освобожденной родине.

В Гентском университете (Бельгия) открылась выставка, посвященная юбилею Т. Г. Шевченко. На снимке — в зале выставки

ЗА РУБЕЖОМ

НОВЫЕ КНИГИ О СССР

В Англии вышла две новые книги о Советском Союзе: «Украина и ее народ» Юза П. Воула и «Международные дела и СССР» В. П. и Зельды Котс. «Дейли Уоркер» отмечает, что «лавно не было таких хороших книг о Советском Союзе». Книга Котсов в конденсированном виде излагает этап за этапом внешнею политику СССР, отношение к Лиге наций, к странам, подвергшимся агрессии, верность СССР взятым на себя обязательствам.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ КРИЗИС В ИТАЛИИ

Как сообщает ряд иностранных газет, в Италии продолжается дальнейшее падение книжного дела. Наибышший тираж книг, пользовавшихся наибольшим спросом в 1938 г., едва достиг 9000 экземпляров. Бумажная промышленность отмечает падение выработки бумаги.

ШЕКСПИР — ДЕМОКРАТ

В издательстве Уилсон в Лондоне вышла книга Хардена «Как обстоит с Шекспиром?». На основе тщательного анализа шекспировских комедий, трагедий и исторических драм, Харден доказывает, что, вопреки утверждению Шоу, Шекспир был истинным демократом по своим взглядам и подлинным сыном народа по своему происхождению.

ПОДГОТОВКА К ОТКРЫТИЮ МУЗЕЯ АНАТОЛЯ ФРАНСА

В нынешнем году предполагается открыть во Франции музей памяти Анатоля Франса. Франсовский комитет под председательством внука писателя выбрал для музея дом в Бешельри у Тура, где долго жил Франс.

АНКЕТА «НЬЮЗ КРОНИКЛ»

Лондонская газета «Ньюз Кроникл» обратилась к 70 английским писателям с вопросом: кого из классиков они читали и продолжают читать? Ответы обнаружили большие проблемы в читательских интересах писателей. Писательница Мэри Борден сообщила, что она не читает поэтов. Ивлин Уоф признается, что он пользуется Шекспиром, главным образом, для отгадки кроссвордов. Он, впрочем, считает полезным для писателей чтение классиков и обязательным чтение газет (возможно, потому, что в газетах печатаются кроссворды, а в классиках находят их разгадки). Но писатель, по его мнению, совершенно не должен читать современных авторов. Элеонора Смит никогда не слышала о Чаттертоне. Она также никогда не могла осмыслить ни одной книги Дж. Конрада. Сабатини увлеклся раними фантастическими романами Уэллса, но не читает его новых произведений. Интервью высказывания о Диккенсе. Его читали все, но некоторые «не выносят его шуток», не могут читать «Пиквинок», другие считают его мастером изображения характера, но «у него нельзя учиться писать по-английски». Сабатини, например, не верит в Диккенса, утверждая, что, если вы не читали его до 20 лет, то уж он вам никогда не понравится.

«ЧАЙКА» В США

Издательство «Снаюва» Чарльза Скрибнера опубликовало «Чайку» Чехова в переводе Старк Юнга. В этом переводе пьеса была поставлена труппой «Тизтр гилд». Книга снабжена предисловием переводчика, биографией Чехова и обширными заметками актеров.

М. САПИР

«ТАИНА» ШЕКСПИРА

Английские газеты от 1 июня опубликовали сообщение о том, что найден ключ к окончательному разрешению «величайшей тайны в истории литературы». Разыскали рукописи, принадлежавшие, как полагают, Шекспиру, и, если предположение это окончательно подтвердится, оно позволит установить, что Шекспиром был именно Шекспир, а не сэр Френсис Бэкон, не граф Ратлендский, не граф Оксфордский XVII и не граф Дерби VI.

Доказано драгоценим находке был впервые заслушан 31 мая на заседании Эдинбургского «Королевского общества литературы». Доктор Робин Флауэр, заместитель хранителя рукописного отдела Британского музея, в течение нескольких лет изучал три небольших листка, хранящихся среди множества рукописей в большом зале музея под стеклом, защищенном зеленым светом от действия солнца. Листки поблекли, пожелтели, покрывшись пятнами, записи на них сделаны пером, небрежным почерком. Доктор Флауэр подвергал рукописи действию ультрафиолетовых и инфракрасных лучей, привлекая к обследованию добровольцев «детективов», тщательно анализировал всякую их логику и наконец решился публично высказать свое мнение о принадлежности их Шекспиру.

Рядом с ними хранятся листы рукописи сэра Френсиса Бэкона, написанные тщательно, чистым, ученым почерком, никак не похожим на «поблекший» почерк трех листков. Если Флауэр прав и исследованные им листки — единственные известные рукописи великого драматурга, то великий спор об авторских правах Шекспира на произведения Шекспира будет кончен.

Заключение доктора Флауэра основано на сравнении почерка трех листков с шестью известными и признанными почерками Шекспира и, кроме того, на анализе множества дополнительных обстоятельств и условий.

Версия доктора Флауэра такова: труппа актеров, получив пьесу, пыле сцену которой могли вызвать неудовольствие цензоров, предложила одному из своих членов, способному заменить для такого случая автора, переделать опасные места. Найденные листки и представляют собою такую «заплатку» к пьесе. На роль «холодного самоубийца» не пошты бы, конечно, такие важные персоны, как сэр Бэкон и два графа.

Между тем известно, говорит доктор Флауэр, что онажды, еще в 1596 году, труппа, в которой работал Шекспир, решила поставить пьесу из жизни сэра Томаса Мора (знаменитого государственного деятеля Англии, автора «Утопии»), и бы-

ло ясно, что некоторые места в ней «опасны» с точки зрения цензоров и должны быть изменены. Переделка завязла три страницы. «Именно эти страницы», сообщает Флауэр, корреспонденту «Дейли Геральд», по разным соображениям должны быть приписаны Шекспиру».

Для подтверждения достоверности этого открытия требуется дальнейшая работа. Бэконисты, ратлендисты и дербиисты безусловно поперечному будут настаивать на своем, хотя один из руководящих деятелей общества Бэкона в Лондоне и заявил, что если полнота рукописей Шекспира подтвердится, то это будет «великой сенсацией». Это будет, вне сомнения, большим и ценным открытием и для всех, кто не сомневается в подлинности Шекспира. А к ним принадлежат почти все, кто любит Шекспира.

Самый спор о подлинности Шекспира и авторстве Бэкона вырос в результате того, что над книгами Бэкона была проделана примерно такая же операция, какую доктор Флауэр протолкал над предполагаемыми рукописями Шекспира. Исследователи открыли «тайнописи» Бэкона. Они исследовали черновик типографского шрифта, которым при жизни Бэкона печаталась его книга, и решили, что они нашли условный шифр. Шифр должен был раскрыть «тайну» Бэкона, которого

считали побочным сыном королевы Елизаветы. Так были «считаны» скрытые под видимым текстом книг невидимые «списывания», в которых Бэкон объявляет себя, между прочим, автором пьес Шекспира.

Но эти «достоверные» доказательства оказались недостоверными, и тогда начались поиски других «авторов Шекспира». Все искания основывались на одном единственном соображении: человек «просто авания», каким был Шекспир, не мог, по мнению реакционных литературоведов, написать пьесы, свидетельства о глубоких научных и философских познаниях их автора.

Ни один советский человек не найдет в этом ничего непонятного, неестественного, невозможного. Но есть также «литературоведы», которым это кажется непонятным, неподобающим. Теория гениальной самоучки кажется им убогой. Их воображение манит теория о побочном сыне или любовнике королевы. Большинство ученых всего мира придерживается самого естественного и простого мнения: Шекспир был Шекспиром. И открытие доктора Флауэра, если оно подтвердится, будет ценно не тем, что оно «разрешит загадку» Шекспира, — загадки нет! — а тем, что оно поодолит наши скудные сведения о Шекспире.

ИСТОРИЯ ОДНОГО АВТОГРАФА

Дж. Джерманетто

Раздался протяжный сильный свисток, и поезд тронулся. Из окна вагона третьего класса молодежи — еще совсем юные — закивали выстроившимся в ряд на платформе рождным и знакомым.

Свадебное путешествие! Несколько месяцев они ждали этого «паломничества» в Рим, чтобы пожениться. Они ворковали друг с другом много лет и откладывали лары на обозначение хозяйства. Обстоятельства? Об этом нечего было и думать. Новая мебель? В ней не подступиться. Но родные жениха и невесты насребрили для них всякой старой рухляди.

Почему же они ждали уже несколько месяцев «паломничества» в Рим? Паломничество в Рим означало: 75-процентную скидку на железной дороге, удешевленный тариф в ресторанах, в гостинице; это означало: побывать в соборе св. Петра, в Ватикане, увидеть папу...

Разве молодые были набожны? Не очень... Пускай, самую малость. Жених — только для того, чтобы не отпасть от похитителей — местных попов (он был сыном торговца фруктами); невеста — чтобы не вызвать недовольства у набожных заказчиц, которые приносили ей в переднюю старые шляпки; она была модистой.

По правде сказать, — привязался мне жених, когда мы как-то стояли с ним у дверей лавки, выходящей на главную улицу, и грелись на солнце; он — прислонившись к ящикам с дынями, а я — заложив руки в карманы трапичной белой куртки парикмахера; — по правде сказать, я жду этого паломничества только из-за скидки. На папу мне начхать. Если б для того, чтобы его увидеть, надо было платить полностью за билет для меня и для нее, я бы отказался от этого удовольствия. Но видишь ли, я задул одно дело...

Он заглянул в глубь лавки, проверил, не слышит ли его отец или мать, и продолжал:

— Я хочу съездить в Сорренто, к Горькому...

Это признание меня не удивило. Мой приятель страстно любил читать. Он похитил книгу за книгой и вечно жаловался, что в нашем городе, насчитывавшем 18 тысяч жителей, не было библиотеки. Он дружил со всеми, у кого были книги — романы, повести, рассказы, что угодно. Он читал все, что ему улавляло раздобыть. Но его любимым писателем был Горький. Это меня радовало вдвойне, потому что книги Горького давал ему я. Наш разговор происходил за несколько лет до мировой войны, незадолго до того, как посетил Италию Николай Кровачев.

«Я хочу съездить в Сорренто...» С какой радостью поехал бы и я, но... на жалованье парикмахера не очень-то разбивался. Удастся ли когда-нибудь сколотить денюжку на такую поездку?

Я гордо подержал моего друга и дал слово соблюдать тайну. Но железнодорожному справочнику мы вместе отослали расписание поездов из Рима в Неаполь и отомое проезда третьим классом...

Накануне свадьбы я похитил его особенно тщательно, причисл по последней воле и приказал передать привет нашему веждному другу. Да, Горький действительно был и нашим великим товарищем и другом. Своими замечательными произведениями он не только знакомил нас с жизнью русского народа под игмом паризма, но и помогал нам в борьбе против итальянской буржуазии. Достаточно вспомнить его чудесные «Сказки об Италии»...

А сколько раз я видел имя Горького среди тех, кто своими пожертвованиями помогал безработным или спускал от краха наши социалистические газеты!

Я получал от моего приятеля-фруктовщика открытки из Рима, Неаполя и, наконец, из Сорренто. Через несколько дней молодые вернулись домой.

В первый день после возвращения его так затормозили родственники, что мне едва удалось переключиться с ним несколькими словами.

— Ты его видел? — спросил я впопыхах.

— Еще бы... и говорил!

— Ты говорил с ним?

— И не только говорил...

Но тут его грубо оклинул отец. Старик не одобрял нашей дружбы.

На следующий день я сгорал от нетерпения узнать, что он хотел сказать этими словами: «И не только говорил». Мы встретились, как только его родители прелегли соснуть за чистыми ящиками из-под фруктов.

— Ну, рассказывай!

— Какой человек! Какой человек!

— Да рассказывай же!.. — Я был вне себя от нетерпения.

Только он открыл рот, появилась старуха:

— Было льнь...

Вслед за ней пришел мальчуган:

— На два солиды винограду...

Потом ко мне пришла клиент побираться. Чорт возьми, уж не сговорились ли они?

Наконец, появился мой друг с книгой, завернутой в газету, и начал рассказывать мне о своем путешествии. Но о Генуе с ее замечательным портом и памятниками, не о Пизе с падающей башней, не о Флоренции, Риме, Неаполе, а о Сорренто и только о Сорренто.

— Какой человек! — повторял он все время.

— По что же он тебе сказал? — Меня начинало бесить, что он затвердил одно и то же.

— Он мне сказал «Буон джорно»¹, пожелал мне руки и сделал надпись вот на этой его книге, которую я с собой возил.

— Значит он тебе ничего не сказал, кроме «Здравствуйте»?

— Как не сказал!

— Но что же именно?

— Видишь ли... я не понял. Он говорил по-русски... Я боялся, что он меня не примет. Когда мы подошли к его дому, меня трясло от волнения и страха. Увижу ли я его? Что я ему скажу? Но его не оказалось дома. Мне сказали, что он на берегу. Мы пошли к морю. Я его сразу узнал. Он сидел с рыбаками и летворил... Несколько раз я приближался к нему и отходил в сторону. Наконец я взял себя в руки, собрался с духом и сказал:

— Буон джорно, синьор Горький.

— Зачем ты ему сказал «синьор»? — прервал я его, — ведь он наш товарищ!

— Он повернулся ко мне, удивленный, и так посмотрел, что я опять чуть было не перенулся... Но, должно быть, он это заметил и с улыбкой ответил: «Буон джорно». И улыбка была такая добрая, приветливая. Тогда я ему сказал... Да разве можно запомнить слова... А он все улыбался.

— Ты ему передал привет?

— Я сам не знал, что говорю, а он все смотрел на меня и слушал. Конечно, он и так понимал, что я чувствую...

После небольшой паузы он продолжал:

— Потом я ему протянул книгу и он напечатал ее. Вот, смотри.

Я посмотрел, но не разобрал ничего, кроме даты.

— А ты знаешь, что он написал? — спросил я.

— Я надеялся, что ты мне поможешь, — разочарованно заметил мой друг.

— Почему же ты не обратился в какое-нибудь бюро переводов? Здесь это будет трудно.

Мы принялись разглагольствовать всюду ливингистов. Раздобыть переводчика с французского не представляло труда. Мы даже нашли такого, который знал немецкий. Но русский! Не оставалось другого выхода, как ехать в Турин.

Через два-три дня мой приятель уже сделался знаменитостью. Даже когда в окне красовалась плакат: «Цены снижены», лавка фруктовщика не привлекала столько посетителей. Всем хотелось видеть книгу с автографом... которого никто не понимал. Нашего Горького знали все.

Через некоторое время мне предстояла поездка в Турин, и я предложил своему другу дать мне книгу с автографом Горького, а попросу одного из русских товарищей-эмигрантов перевести его. Но он и слышать не хотел о том, чтобы доверить мне книгу, и сам поехал вместе со мной в Турин.

Мы тотчас отправились на поиски русских товарищей, но как на грех не могли никого найти. У меня был записан адрес одного русского, который когда-то работал на металлургическом заводе. Его звали Иваном. Не помню, сколько раз в этот день мы поднимались под самую крышу старого дома в старинной части Турина, на улице Беллини, — в одном из самых позорительных кварталов пьемонтской столицы. Наконец, в половине одиннадцатого ночи мы застали Ивана на его чердаке. В тесной каморке, слабо освещенной лампой, было людно и накурено. Человек десять сидело на столе, на полу, на завалившейся кровати. Они громко спорили. Нас встретили не особенно любезно, но когда Иван сказал, что я их товарищ-социалист, они чуть было не развалили мне руку, не знали, куда нас послать, угостили нас вином и папиросами... и опять принялись кричать.

Самой собой разумеется, нам пришлось сидеть и хлопать ушами; мы не понимали ни звука.

Дискуссия продолжалась до полуночи. От табачного дыма и копоти керосиновой лампы было трудно дышать, даже несмотря на раскрытое окно, выходящее прямо на крышу. Наконец охрипшие от крика участники спора умолкли, и Иван спросил, не вызван ли наш приход специальной целью. Я объяснил ему наше дело. Он взял книгу и перевел:

«Пусть, вам всегда улыбается жизнь, как улыбается прекрасное небо Италии. М. Горький».

Мой приятель записал эти слова. Потом Иван рассказал нам, о чем они спорили. В эти дни в газетах появилось сообщение о предстоящем прибытии в Италию палача русских рабочих. Итальянская социалистическая партия обратилась к рабочим с призывом «Собласть паря». Многие из гостей Ивана были согласны с этим лозунгом, но некоторые стояли за более энергичные меры. Поэтому и разгорелся этот шумный и ожесточенный спор. Но лозунг произвел свое действие: он заставил итальянские власти совершенно изменить намеченную программу торжества. Вместо посещения Рима, Неаполя, Флоренции, Венеции, Николай Пьерверне, Николай Последний — ограничился встречей с итальянским королем в Раколанди — маленьком городке, находящемся в часе езды по железной дороге от французской границы и имеющем две достопримечательности: королевский замок и дом умышленных.

В то время как мы прощались с русскими товарищами, на лестнице послышался топот, кто-то, не постучавшись, с силой распахнул дверь и из темноты вынырнули люди с направленными на нас револьверами.

«Руки вверх!» — скандировал один из них, тот, чей довольно обемистый живот был обвязан трехцветным — бело-красно-зеленым шарфом — комиссара политической полиции.

Мы поджали руки под дулами револьверов, громко протестуя. — Мы с приятелем — на пьемонтском наречии, остальные — по-русски.

— Молчать!

Нам связали руки цепями, которые больно врезывались в тело. Моя левая рука была прикована к правой руке Ивана. У моего друга грубо вырвали из рук книгу Горького и складили его. Потом сели на всех длинной общей цепью и приступили к обыску помещения. Они перерыли весь чердак, вытаскивая отовсюду книги и газеты на всех языках. После обыска каморка стала похожа на поле сражения.

На следующий день газеты сообщили — мы узнали об этом лишь после освобождения — о раскрытии, благодаря бдительности туринской политической полиции, «опаснейшей итальяно-русской шайки нигилистов». Нас подвергли трое суток в тюрьме... вполне достаточно, чтобы выйти, набравшись вшей... Моему другу не вернули книгу.

Мы смеялись, что еще хорошо отделились, и отправились во-свои. Дома мы еще получили внауту от местной полиции, куда нас сопровождали туринские полицейские.

Мой друг был в отчаянии. Он уполитил немало денег адвокату, чтобы получить обратно свою книгу. Мы опубликовали протест против незаконной конфискации в нашей газете. Но это ни к чему не привело. Нам посоветовали уговориться.

Фруктовщик рассорился со своими родителями. Он сделался сочувствующим нашей партии. Подписался на нашу газету. В дни фашистского похода на Рим он был арестован. Его лавку разграбили.

Недавно я получил о нем известие. Его приговорили к трем годам тюрьмы. Он был заточен на месте преступления; он слушал полную радиопередачу итальянской коммунистической партии.

Перевел с итальянского Я. РЕЦЕР.

¹ Добрый день.

вещенной керосиновой лампой, было людно и накурено. Человек десять сидело на столе, на полу, на завалившейся кровати. Они громко спорили. Нас встретили не особенно любезно, но когда Иван сказал, что я их товарищ-социалист, они чуть было не развалили мне руку, не знали, куда нас послать, угостили нас вином и папиросами... и опять принялись кричать.

Самой собой разумеется, нам пришлось сидеть и хлопать ушами; мы не понимали ни звука.

Дискуссия продолжалась до полуночи. От табачного дыма и копоти керосиновой лампы было трудно дышать, даже несмотря на раскрытое окно, выходящее прямо на крышу. Наконец охрипшие от крика участники спора умолкли, и Иван спросил, не вызван ли наш приход специальной целью. Я объяснил ему наше дело. Он взял книгу и перевел:

«Пусть, вам всегда улыбается жизнь, как улыбается прекрасное небо Италии. М. Горький».

Мой приятель записал эти слова. Потом Иван рассказал нам, о чем они спорили. В эти дни в газетах появилось сообщение о предстоящем прибытии в Италию палача русских рабочих. Итальянская социалистическая партия обратилась к рабочим с призывом «Собласть паря». Многие из гостей Ивана были согласны с этим лозунгом, но некоторые стояли за более энергичные меры. Поэтому и разгорелся этот шумный и ожесточенный спор. Но лозунг произвел свое действие: он заставил итальянские власти совершенно изменить намеченную программу торжества. Вместо посещения Рима, Неаполя, Флоренции, Венеции, Николай Пьерверне, Николай Последний — ограничился встречей с итальянским королем в Раколанди — маленьком городке, находящемся в часе езды по железной дороге от французской границы и имеющем две достопримечательности: королевский замок и дом умышленных.

В то время как мы прощались с русскими товарищами, на лестнице послышался топот, кто-то, не постучавшись, с силой распахнул дверь и из темноты вынырнули люди с направленными на нас револьверами.

«Руки вверх!» — скандировал один из них, тот, чей довольно обемистый живот был обвязан трехцветным — бело-красно-зеленым шарфом — комиссара политической полиции.

Мы поджали руки под дулами револьверов, громко протестуя. — Мы с приятелем — на пьемонтском наречии, остальные — по-русски.

— Молчать!

Нам связали руки цепями, которые больно врезывались в тело. Моя левая рука была прикована к правой руке Ивана. У моего друга грубо вырвали из рук книгу Горького и складили его. Потом сели на всех длинной общей цепью и приступили к обыску помещения. Они перерыли весь чердак, вытаскивая отовсюду книги и газеты на всех языках. После обыска каморка стала похожа на поле сражения.

На следующий день газеты сообщили — мы узнали об этом лишь после освобождения — о раскрытии, благодаря бдительности туринской политической полиции, «опаснейшей итальяно-русской шайки нигилистов». Нас подвергли трое суток в тюрьме... вполне достаточно, чтобы выйти, набравшись вшей... Моему другу не вернули книгу.

Мы смеялись, что еще хорошо отделились, и отправились во-свои. Дома мы еще получили внауту от местной полиции, куда нас сопровождали туринские полицейские.

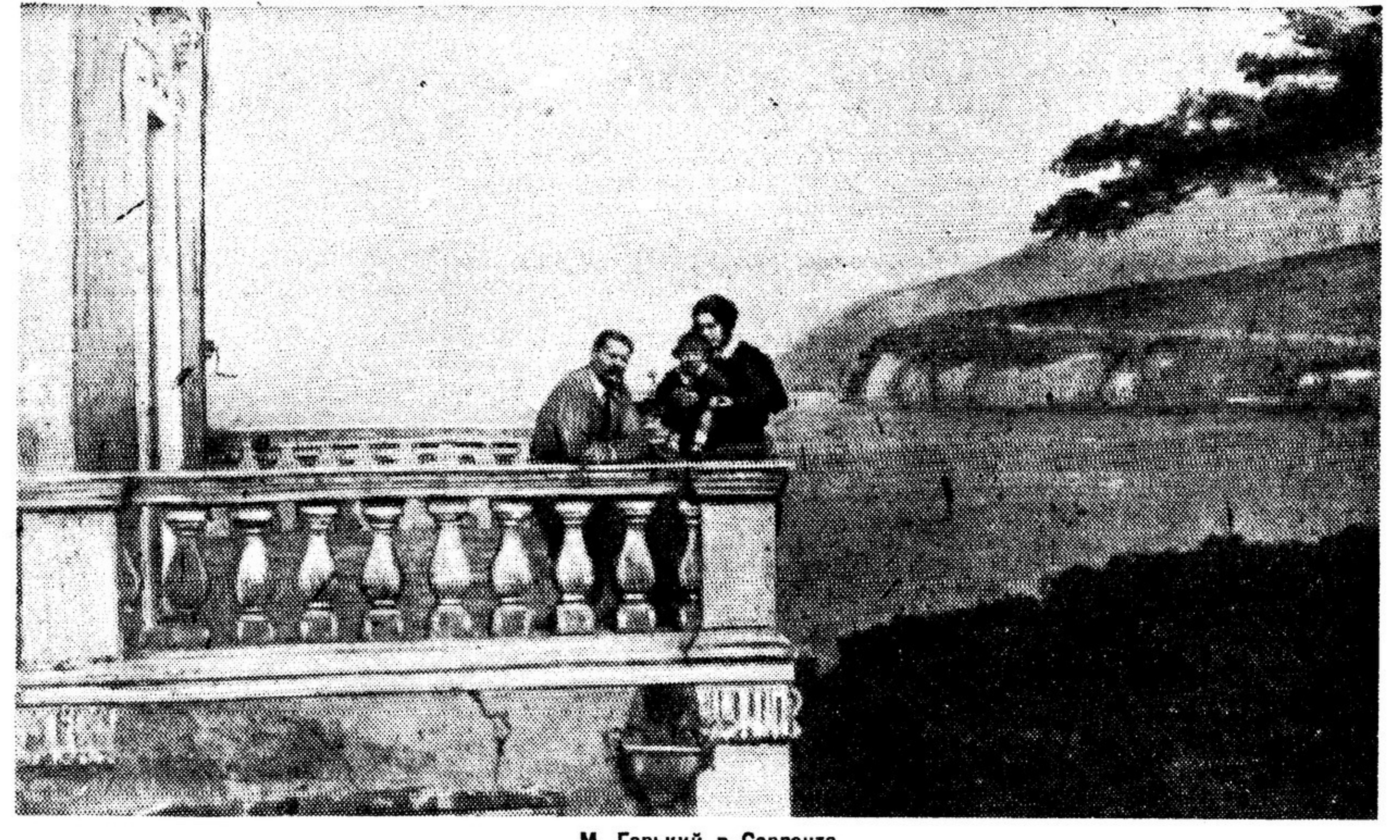
Мой друг был в отчаянии. Он уполитил немало денег адвокату, чтобы получить обратно свою книгу. Мы опубликовали протест против незаконной конфискации в нашей газете. Но это ни к чему не привело. Нам посоветовали уговориться.

Фруктовщик рассорился со своими родителями. Он сделался сочувствующим нашей партии. Подписался на нашу газету. В дни фашистского похода на Рим он был арестован. Его лавку разграбили.

Недавно я получил о нем известие. Его приговорили к трем годам тюрьмы. Он был заточен на месте преступления; он слушал полную радиопередачу итальянской коммунистической партии.

Перевел с итальянского Я. РЕЦЕР.

¹ Добрый день.

М. Горький в Сорренто.

ИСПЫТАНИЕ ЖИЗНИ

А. РОСКИН

В одном письме Горький заметил: «Процесс осваивания художником действительности — тягостный процесс. Жизнь, оплодотворяя его опытом, не перемогает, не мандит его души, но ведь только ее безжалостное своекорыстие и насыщает художника волей к творчеству».

В этих немногих словах, в сущности, — история жизни молодого Горького. Первый биографический «труд» о Горьком — вышедшую Нижегородским издателем Бреевым брошюру «Знаменитый босок», очень безграмотную, ныне рассматриваешь с таким чувством, как будто этот «труд» был напечатан вскоре после Гутенберга.

Однако и во многих других работах о Горьком внешняя биография молодого Алексея Пешкова часто заслоняет биографию внутреннюю.

Межуаристы и биографы слишком охотно объясняли судьбу Алексея Пешкова одним только «безжалостным своекорыстием жизни».

О воле к творчеству они писали только тогда, когда речь шла уже не об Алексее Пешкове, а о Максиме Горьком.

Между тем этой волей к творчеству Алексей Пешков был насыщен задолго до того, как стал Горьким.

Управлявшая Горького писать «автобиографию», Бреев ссылался не только на «необыкновенную интересность» горьковской жизни, но также и на ее «новое начало».

Для русского обывателя Горький, став писателем, начал новую жизнь.

Но в том-то и дело, что никакого нового начала не было.

Начинающему писателю Горькому было по тридцать лет. В двадцать лет он был таким же, конечно, не столь уверенным в своем признании изображать жизнь, во сто раз твердо уверенным в своем долге искать жизнь.

Это искание жизни было одинаково далеко и от пассивного подчинения превратностям трудовой судьбы и от тяги к «приключениям».

Одному литератору Горький как-то заметил, что полтер у него описан плохо: У полтера походка должна быть особенная.

За годы своей молодости Горький успел узнать около тридцати профессий и научиться множеству ремесел.

Напрасно было бы мотивировать это все тем же «своекорыстием жизни», безотказно бросавшей Горького из стороны в сторону.

Да, жизнь бросала Горького в разные стороны, но удавалось это ей в полной мере только потому, что весь самого Горького влекло познать человеческий труд, любознательные секреты ремесла, выразительный язык различных профессий, характеры людей разного призвания.

Горьковские профессии по своему внутреннему смыслу были очень похожи из горьковские странствия.

А о своих скитаниях Горький сказал очень твердо:

— Я хопил по Руси, чтобы узнать свой народ.

История мировой литературы знает человека стальной эпохи нового Возрождения быт «бесхарактерным», — свое убеждение:

«Данным следует называть такого человека или такое положение, которого свойства само предвещают себе невозможность, на которых нельзя ни в коем случае рассчитывать». Необходимо требовать, и особенно в наше время борьбы, ясности от людей, — это убеждение было одно из коренных идей всего горьковского творчества. Горький во всем продолжал и развивал лучшие традиции русской литературы.

Человек, твердо знающий свои да и нет, «духом смелый и прямой», ясный и определенный, влюбленный в борьбу, в жизнь, в ее движение, сильный, — знающий одну страсть — любовь к трудящемуся человечеству, — такой был человек Горького, ему он слезал песни, его приход в жизнь он подготавливал своим творчеством.

В ранних произведениях герой Горького представлял в романтических, легендарных образах. Вместе с ростом рабочего класса, с ростом и укреплением большевистской партии и углублением ее влияния на творчество Горького, горьковский герой представлял во все более углубляющихся реалистических образах машиниста Николая Пешкова, Павла Власова и других персонажей из романа «Мать», Кукузову из «Жизни Клима Самгина», Рабинина из пьесы «Василий Достапов» и т. д. Все эти образы были овеяны романтикой Сокола и Буревестника, но всех них жил романтический Данко, с его яростной и бесстрашной, хорошо знавший свой да и нет. О герое горьковского творчества можно сказать словами самого Горького:

«Он человек нового человечества, большой, дерзкий, сильный, — поэтому он так яростно ненавидит людей старого мира».

Этот человек стал хозяином жизни в большой, дерзкой и сильной стране — в стране Чкаловых, Паланиных, Стахановых, людей ленинско-сталинской породы.

Великий воспитатель этих людей определил ясными и точными словами качества человека, достойного уважения народа,

сателет, чьи жизненные судьбы напоминают биографию Горького. Был Джек Лондон — продавец газет, мальчик в кебельбаре, рабочий на консервном заводе и паровой тракторной, матрос на промысловой шхуне, золотискатель.

Был О. Генри — подручный в аптеке, ковбой на ферме, конторщик, актер, кассир.

В жизни Джека Лондона и О. Генри есть странности, словно замствованные из Горького.

О работе на консервном заводе Джек Лондон писал: «Я не знаю ни одной лошади в Окланде, которая работала бы в день столько часов».

С полным правом мог Горький написать эту фразу о себе, заменив американский Окланд российской Казанью; четырнадцатичасовая работа в будничной Семеновна была столь тяжелой, что Горькому казалось, будто три этажа заведения построены прямо на его плечах.

А О. Генри из тюрьмы писал: «Чайотка и самоубийства здесь так же часты, как на море и пикник у вас на воле».

И эту фразу Горький мог бы поместить в своей автобиографии, ибо, если даже отбросить тюрьмы Майкопа, Нижнего, Тифлиса и Петербурга, в которых сидел Горький, многие трупы, куда загоняла Горького судьба, были местами, где или жизнь быстро прикарнивала с людьми, или же они сами торопились к «ускоренному выходу из жизни».

И все же сходство биографии Горького с биографиями таких писателей, как Лондон или О. Генри, более внешнее.

Искание жизни сделало Лондона и О. Генри писателями. Что же касается Горького, то самое искание им жизни было уже свидетельством того, что Горький — писатель.

Как-то в беседе с одним литератором Горький, упомянув Куприну, назвал его «естествоиспытателем».

Горький имел в виду купринскую жажду жизни, непрестанное стремление «испытывать» ее: ведь это был писатель, который надолго отрывался от письменного стола и странствовал вместе с бродячими актерами, уплывал в море на рыбачьих шаландках, пробирался по болотам с охотниками, пропалал за кулисами цирка.

Но, конечно, в неизмеримо большей степени это слово «естествоиспытатель» было применимо к самому Горькому.

То, что жизнь повергала Горького многим испытаниям, — это только одна, увлекательная и поразжающая, но все же внешняя сторона биографических сообщений об Алексее Максимовиче. А вот то, что сам Горький испытывал жизнь, — эта сторона биографии молодого Горького становится нам в полной мере понятной только теперь, уже после смерти Горького.

Жизнь испытывала Горького жестоко, а Горький подвергал жизнь испытанию героически, с тем спокойным самоотвержением, с тем спокойным самоотвер-

жением, какое в самом деле напоминают нам биографии великих натуралистов — людей научного подвига, принимавших себе смертельные болезни или умиравших от жажды в неисследованной пустыне.

Но о том, как Горький сам подвергал жизнь испытаниям, об этом он рассказывал не все.

Дело не в скромности, хотя в рассказе о своих жизненных судьбах Горький проявил ее, — не ложную скромность вполне любознательного человека, а истинную скромность великого художника.

Дело, мне кажется, в другом: ведь испытание жизни было для Горького уже его писательским трудом, его «лабораторией».

И рассказывать об этом — не значило ли для Горького в известной мере раскрывать перед читателем самые сокровенные тайны своего писательского труда?

Он не шел в этом отношении на уступки даже тогда, когда его недоброжелатели или открытые враги объявляли всю историю горьковской жизни «вторичной легендой», или попросту фальшивкой.

На это Горький ответил только раз одной краткой и насмешливой фразой: «Я лично действительно существовал, а не выдуманное М. Горьким, как утверждает И. А. Бунин».

Встретаясь однажды с Горьким, пионеры попросили его:

— Расскажите нам что-нибудь о своей жизни!

Горький ответил:

— Все, что я пережил, написано уже в моих книгах.

Но автобиографические произведения Горького, столь заполненные фактами, наблюдениями, портретами, пейзажами, затронули только часть того материала, что хранил в своей душе Горький.

Новые отрывки Горького, его забытые рассказы и неопубликованные письма — все говорит о том, что богатства, накопленные Горьким в университетах российской жизни, были неисчерпаемы.

Свидетельства о писательской работоспособности Горького поражают.

Но могло ли быть иначе? В душе Горького кипел огромный мир, которым он овладел дорогой ценой всей своей жизни.

Когда по просьбе актеров Горький начинал рассказывать о персонажах своих новых пьес, он рассказывал о них, как о людях, про которых он знает много, знает все.

Слушая его, люди театра думали о том, как ограничены рамки драматургии и как малы размеры сценической площадки.

Четырехтомная эпопея Клима Самгина, в которой поток жизненного знания словно затопил мостки в виде разделенной повествования на главы, — книга, охватывающая сорок лет, десятки человеческих судеб и сотни человеческих фигур, в конце концов казалась Горькому тесной.

Очень трудно было бы создать такую форму, которая вместит бы весь тот драгоценный груз, что принес в литературу Горький из своих героических странствий по жизни.

Клима Самгина привлекало к Достоевскому то, что Достоевский, как формулирует Самгин, «наиболее освещенно унаследовал людей». Щедрин в своих «Стрижах» так определил сущность «убеждений» героя «Записок из подполья»:

«Всякий человек — дрянь, и до тех пор не делается хорошим человеком, пока не убедится, что он — дрянь».

Щедринская формула относится не только к герою «Записок из подполья», — она характеризует буржуазное отношение к человеку, а также отношение к нему религии.

«Человек! Точно солнце рождается в груди моей... Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза, а в них — лучи бесстрашной, мощной мысли, что поставила чудесную гармонию вселенной...»

Горький всегда видел перед собой этого Человека, каклая горьковская строка посвящена ему. Человек Горького знал:

«Настанет день — в груди моей сольются в одно великое и творческое пламя мир чувства моего и моей бесмертной Мысли, и этим пламенем я выжгу из души все темное, жестокое и злое...»

Наша эпоха уничтожает раздробленность человека и выжимает из людей все темное, жестокое, собственническое.

Достоевский выразил ужас распада человечности в буржуазном обществе, боль прощания с гуманизмом, бессилье перед неизвестными Достоевскому зверскими выказками собственнического мира. Горький выразил радость обретения человечности, веру в ее торжество во всем мире, радость нового, полного гуманизма, создание неисчерпаемой, непобедимой силы нового человечества.

Литературная газета
№ 33

В. ЕРМИЛОВ

СПОР О ЧЕЛОВЕКЕ

«Да-с, человек девятнадцатого столетия должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным; человек же с характером, деятель — существо по преимуществу ограниченное», — высказывает свое вышнее «сознательное» убеждение герой «Записок из подполья».

«Сложность», — писал Горький, — печальный и уродливый результат крайней раздробленности «души» бытовых условиями мясничного общества, непрерывной, мелочной борьбы за выгоды и спокойное место в жизни. Именно «сложность» объясняется тот факт, что среди сотен миллионов мы видим так мало людей крупных, характеров резко определенных, людей, одержимых одной страстью, — великих людей».

«Раздробленность души» является следствием уродливых противоречий буржуазного общества. Маркс говорил, что в наше время каждая вещь как бы чревата своей противоположностью. Мы видим, что машина, обладающая чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приводит к голоду и истощению. Новозобретенные источники богатства, благодаря какому-то роковому зраму, становятся источником лишения. Победы искусства куплены, повидимому, ценой искусства морального качества. В той же самой мере, в какой человечество становится в рабство к другому человеку или становится рабом своей собственной подлости».

Уже в самых ранних горьковских произведениях было выражено стремление к полному и героическому, ясному и определенному характеру, к человеку, знающему себя и своего врага.

«Да-с, человек девятнадцатого столетия должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным; человек же с характером, деятель — существо по преимуществу ограниченное», — высказывает свое вышнее «сознательное» убеждение герой «Записок из подполья».

«Сложность», — писал Горький, — печальный и уродливый результат крайней раздробленности «души» бытовых условиями мясничного общества, непрерывной, мелочной борьбы за выгоды и спокойное место в жизни. Именно «сложность» объясняется тот факт, что среди сотен миллионов мы видим так мало людей крупных, характеров резко определенных, людей, одержимых одной страстью, — великих людей».

«Раздробленность души» является следствием уродливых противоречий буржуазного общества. Маркс говорил, что в наше время каждая вещь как бы чревата своей противоположностью. Мы видим, что машина, обладающая чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приводит к голоду и истощению. Новозобретенные источники богатства, благодаря какому-то роковому зраму, становятся источником лишения. Победы искусства куплены, повидимому, ценой искусства морального качества. В той же самой мере, в какой человечество становится в рабство к другому человеку или становится рабом своей собственной подлости».

Уже в самых ранних горьковских произведениях было выражено стремление к полному и героическому, ясному и определенному характеру, к человеку, знающему себя и своего врага.

«Петр. Мама, ведь бесполезно мучить людей, не правда ли?»

Софья (быстро). Да! О, да! (Подумав и тише). А, может быть, нет...

Петр (мягко). У тебя да и нет живот удивительно дружно: они всегда вместе! Это — удобно?

Софья (тихо). Мучительно и страшно, Петя!

Петр. Мне тоже кажется, что мучительно... «Вы оторвали человека от жизни и разрушили его; социализм соединяет разрушенный мир во единое великое целое, и это — будет», — обращаясь к «сознательному», говорит рабочий Павел Власов в речи на суде.

Только у рабочего класса и трудового человечества, идущего за ним, есть в наше время основа для роста целостных, крупных характеров, формирующихся в борьбе за социалистическое общество, в котором цельный, героический характер становится все более преобладающим, все более массовым.

Цельность социалистического человека является итогом не самоограничения, а как раз наоборот — колоссального расширения сознания, освоения массами людей всего богатства науки, искусства, духовной и материальной культуры, природы, — всего мира, — не в его уродливой расколотости на противоречивые элементы, а во всей его многогранной целостности, в органической ясности всех элементов.

«Третья мораль» — «восторженной подержки», которую Горький противопоставляет «морали господ» и «морали рабов», требует сильного, твердого и цельного человека, хорошо знающего, чего он хочет. Это прекрасно понимал такой гениальный выразитель «третьей морали», каким был Щедрин, выдвигавший вместо «вышнеего» убеждения героя «Записок из под-

полья» о необходимости для человека XIX столетия быть «бесхарактерным», — свое убеждение:

«Данным следует называть такого человека или такое положение, которого свойства само предвещают себе невозможность, на которых нельзя ни в коем случае рассчитывать».

«Всякий человек — дрянь, и до тех пор не делается хорошим человеком, пока не убедится, что он — дрянь».

Щедринская формула относится не только к герою «Записок из подполья», — она характеризует буржуазное отношение к человеку, а также отношение к нему религии.

«Человек! Точно солнце рождается в груди моей... Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза, а в них — лучи бесстрашной, мощной мысли, что поставила чудесную гармонию вселенной...»

Горький всегда видел перед собой этого Человека, каклая горьковская строка посвящена ему. Человек Горького знал:

«Настанет день — в груди моей сольются в одно великое и творческое пламя мир чувства моего и моей бесмертной Мысли, и этим пламенем я выжгу из души все темное, жестокое и злое...»

Наша эпоха уничтожает раздробленность человека и выжимает из людей все темное, жестокое, собственническое.

Достоевский выразил ужас распада человечности в буржуазном обществе, боль прощания с гуманизмом, бессилье перед неизвестными Достоевскому зверскими выказками собственнического мира. Горький выразил радость обретения человечности, веру в ее торжество во всем мире

«Уважаемые дети»

В литературном наследстве Горького нет ни одной книги, целиком посвященной воспитанию.

Он не устраивал для детей школ, как Лев Толстой, не составлял для них азбуки и «Книги для чтения».

Однако среди замечательных писателей нашего времени едва ли найдется во всем мире еще один человек, который бы сделал для детей так много, как Горький.

Если собрать воедино все его статьи, начиная с боевого и зазорного фельетона в «Самарской газете» 1895 года о трех сотнях мальчишек, для которых не нашлось места в городской школе; если переписать его последние, зрелые статьи, в которых речь идет уже о миллионах ребят, о развитии их способностей, дарований, характеров; если перечислить множество его писем, коротеньких и длинных, написанных в разные времена маленьким адресатам, — мы увидим, как по-своему, по-горьковски, шутливо и серьезно, оптимистично и вместе с тем трезво похлопал он в людей, главное дело которых — расти.

В его письмах к ребятам нередко можно встретить такое обращение: «Уважаемые дети».

И это — не шутка, не условный оборот речи.

Алексей Максимович и в самом деле относился к ребятам с товарищеским уважением. Он знал, что такое детство, какое это сложное и трудное, ответственное время — даже тогда, когда оно протекает в самой благоприятной обстановке.

Если в молодости Горький усердно хлопотал о елке для ребят нижегородской окраины, то в последние годы жизни заботы его охватывали самые разные стороны быта всей нашей советской детворы.

Он думал, говорил и писал о детских книгах, об игрушках, о стадионах, о лагерях, о детском театре и кино, о глобусе и картах.

Ранней весной 1936 года, я помню, был у нас замечательный разговор.

Алексей Максимович рассказывал, как представляет он себе большой литературный журнал — с беллетристкой и публицисткой, всецело посвященный воспитанию.

Читателей у этого журнала должно быть по крайней мере столько, сколько родителей у нас в стране.

Такой журнал прежде всего надо сделать увлекательным, чтобы его и в самом деле читали, а не «прорабатывали» где-нибудь в методических кабинетах. Только тогда он мог бы влиять на взрослых, а через взрослых — и на детей.

Талантливейшие писатели, лучшие педагоги должны быть привлечены к делу. А кроме них надо призвать еще одну категорию людей.

Эту категорию Алексей Максимович чрезвычайно ценил. Она состоит не из педагогов, не из литераторов, а просто из людей, которые умеют гауко и талантливо помнить детство.

Их можно найти у нас в самой различной среде. Это те не профессиональные, но настоящие воспитатели, которые рады возиться с ребятами в свободные часы, любят и умеют рассказывать им сказки

и смешные истории, мастерить для них кукольные театры, корабли и самолеты. Показывать им фокусы, собирать с ними гербарии и коллекции камней, объяснять им расположение звезд, обучать их стрельбе, плаванью.

Алексей Максимович назвал мне нескольких своих приятелей, с которыми он познакомился по почте. Не имея прямого отношения к игре для детей, они писали ему очень интересные письма о том, как обогатить новыми идеями и улучшить у нас в стране игрушечное производство, прислали ему модели и проекты новых игр.

Он перебрал имена людей самой разной судьбы — уральского рабочего, молодого ученого, армейского комиссара. Все они хорошо чувствовали и понимали, что нужно детям, что такое, в сущности, воспитание.

Именно о таких людях писал Алексей Максимович в одной из своих статей 1927 года («Известия» № 250 от 30 октября):

«Детей должны воспитывать люди, которые по природе своей тяготеют к этому делу, требующему великой любви к ребятишкам, великого терпения и чуткой осторожности в обращении с будущими строителями нового мира».

Сам Алексей Максимович тоже принадлежал к этой особенной категории.

Он умел видеть в детях и «будущих строителях нового мира» и попросту «ребятишек», с которыми всю жизнь он волею судьбы, любил встречаться и переписываться.

Он писал когда-то ребятам в город Баку*:

«Я хотя и не очень молод, но не скучный парень и умею недурно показывать, что делается с самолетом, в который положили горячих углей и забыли налить воду. Могу также показать, как лезинная и гузная рыба перья берет наживку с удочки, и много других смешных вещей...»

В том же письме он говорит:

«Я очень люблю играть с детьми, это — моя старая привычка».

Алексей Максимович отнюдь не считал себя педагогом.

Он очень осторожно касался тех вопросов воспитания, в которых признавал себя недостаточно компетентным.

Вернее и шутя он неоднократно говорил о том, что он — не воспитатель и не претендует на какой-либо авторитет в этой области.

Очень 1935 года он писал своим внукам-пользователям:

«...если вы, уважаемые ученые девочки, расскажете про меня учителям, так они мне зададут перду за то, что я вам пишу ерунду...»

Конечно, Горький прекрасно знал, что настоящие педагоги не боятся ни игры, ни шутки, ни всей той милой «ерунды», которая так чудесно сблизжает детей и взрослых. Он знал, что настоящие педагоги счастливы, когда к ним на помощь со стороны приходят люди с талантом, с юмором, с богатым жизненным опытом.

* В 1909 году.

В доме Чехова в Ялте (1909 г.). Слева направо: М. Горький, С. В. Чехова, Володя Чехов, А. П. Чехов и М. П. Чехов. (Публикуется впервые).

А. ГАТОВ

Горький и Китай

«...Самым прекрасным, самым священным местом вепного упокоения Горького будут наши сердца». Такими словами выразил чувства всех честных людей всего мира Роман Роллан, ибо нет на земле такого уголка, где бы не знали о Горьком.

В Китае Горького чтут как великого художника, как любимого учителя, как друга. Корреспондент ТАСС в Китае г. Рогов недавно рассказывал, как в захоченном японцами Уху он спросил одного китайца-золотника, что он знает о Советском Союзе. Тот стал рассказывать ему что-то очень знакомое. Оказалось, что неграмотный золотник старался переписать ему повесть Горького «Мать», которую ему когда-то читал вслух один студент. Таких примеров много. Горький стал самым популярным писателем для китайского народа, потому что он близок и понятен ему. Идея и чувства Горького, его пламенная любовь к человеку и грозная ненависть к врагу — вот что роднит Горького с китайским народом.

Русскую литературу в Китае читают и любят. Переводы Пушкина, Лермонтова, Т. Толстого, Чехова и других писателей были известны в Китае до революции 1911 года. С Горьким Китай начинает знакомиться с 1917 г., однако первые переводы (Ху Ши и Чжоу Го-спа) не могли дать правильного представления о Горьком, так как были сделаны уже с английского или японского переводов. Только после движения «4 мая 1919 г.» начинают появляться более или менее точные переводы. Раньше всего была переведена повесть «Мать» (перевел Чань Гуан-сянь), вскоре завоевавшая огромную популярность. В отдельных газетах, журналах, специальных изданиях появляются переводы статей, писем, рассказов Горького. С 1930 г. по 1936 г. одно за другим переводятся почти все крупные произведения Горького. С 1930 по 1937 годы «Детство» выходило десять раз! «Мои университеты», «Спутники Орловых», «Фомы Гордеев», сборники рассказов, наконец, «Клим Самгин» (одно из изданий «Клим Самгин» вышло под названием «Предатель») и т. д. — все они неоднократно издавались и издаются. Статьи, письма Горького, публикуемые нашей печатью, моментально переводились и публиковались в Китае. Только до июля 1937 г. в Китае вышло 129 названий.

Горького переводили и переводят крупнейшие писатели и переводчики современной Китая — Лу Синь, Цюй Цюбо, Цао Цзин-хуа, Ва Синь, Хуа Ди, Сяо Цань и многие другие. В 1934 году выходит большой сборник рассказов Горького и статей о Горьком под редакцией писателя-коммуниста т. Мао Дуня (известного

Письма из Тессели

Это было в 1936 году. В «Комсомольской правде», где я работал, появились статьи, критикующие состояние дел в союзе писателей. Возник спор. Он шел по нескольким линиям.

Мы считали, что литературная организация заперла людьми, не имеющими к ней никакого отношения.

Приблизился минский пленум правления союза. В тезисах готовящегося к пленуму доклада о советской поэзии был обобден Маяковский.

В так называемом «массовом» литературном движении — литературных кружках преобладал жалкое и вредное начекичество. Люди обучали литературному ремеслу по известным трафаретам, создавая неправильное представление об особенностях и трудностях писательского труда и т. д. и т. д.

Острые разногласия появились внутри редакции. Нельзя было работать. Тогда у меня возникла мысль обратиться к Алексею Максимовичу. Пусть он рассудит.

— Без предварительного согласования, без разрешения? Ничего не выдает, — пугали скептики.

— Без всего. Вот сюда и поеду.

— Дайте хоть телеграмму в мое же.

— Не дам. Могут помешать. От телеграммы легче отказаться, чем от человека.

Я приготовил альбом статейных вырезов, заручился «оперативным» редакционным заданием, разузнал горьковский адрес и тронулся.

Шестого апреля в Тессели состоялась памятная встреча. Беседа продолжалась три часа. Горький попросил оставить у него вышеупомянутый «альбом» и побещал откликнуться. Вскоре после нашего разговора он прислал два письма, в которых определил задачи комсомола и «Комсомольской правды» в области литературы.

Горький писал:

«См беседы с т. Трегубом и статей «РМ правды», посвященных вопросам литературы, убеждаюсь, что комсомол намерен решительно взяться за бытовое и культурно-политическое оздоровление литературы».

Очень хорошее намерение... Если комсомол возьмет на себя весьма трудное дело помощи росту литературы внутри страны и росту ее значения за рубежом, — комсомол возьмет на себя еще одно героическое дело.

Я дале от намерений говорить комплименты. «Не до жиру, быть бы живу». Я ставлю на усмотрение и критику нескольких практических предложений, которые, на мой взгляд, могут облегчить новую работу комсомола: Надобно иметь кроме газеты, свой журнал, для чего взять «Октябрь» или «Новый мир», — журналы, существующие механически, бездейно, беспечно. Журнал устанавливает — пропагандирует отношение к литературе, как к работе более ответственной, чем всякая иная работа. «Написано пером — не вырубши топором», ошибку на металле легче поправить, чем ошибку на бумаге, в книге. Журнал способствует развитию в союзе писателей сознания их коллективной ответственности перед читателем. Освещает уродливости быта литераторов, не называя имен; дает место идеологической и технической критике книг, пьес, печатает произведения литературной молодежи и т. д.

Взять на себя наблюдение за всеми серийными изданиями, каковы, напр., «Литиз замечательных людей», «Исторические романы» и все прочие издания этого типа. Для ясности прилагаю копию письма моего по поводу одного из таких изданий.

Печатает очерки текущей зарубежной литературы и очерки по литературам братских республик, укрепляя понимание советской литературы, как одной всеобщей».

Подчеркивает интернациональное значение советской литературы, сообщая оценки ее легкой прессой Европы...

Спорить против необходимости печатать в журналах длиннейшие Евдокимовские и прочих сочинителей романы, которые отнимают место у молодежи. Большие романы можно и не пропускать через журналы, а издавать их отдельно, кстати, это принудит издательство к более строгой редактуре.

Это уже мелочи, но их очень много и в массе своей они крупная похлеба и в быту, и на путях развития мастерства.

Попытаться внести оздоровляющие начала в среду литераторов — социальная обязанность комсомола: молодежь должна охранять себя от дыма и пыли, которые пускают ей в глаза, и, которые вполне способны отравить дыхание. Среди писателей всегда была среда растленной, средней наиболее обостренных чувств зависти, ненависти, вражды. Но дворяне Иван Тургенев и К. травили дворянина Некрасова по внушению мотивов сословных, по силе логики идеи, но тем же причинам, кои внушали Федору Достоевскому злобу на Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, а Льва Толстого заставляли презирать Достоевского и т. д.

В советской литературе момент классовой вражды писателей не должен иметь места. Однако, писатели, мягко говоря не пытаются чувства взаимной дружбы, не пытаются культивировать ее и незаметно, чтоб они понимали единство цели советской литературы...

Письмо это было написано накануне X с'езда ВЛКСМ. После с'езда Горький прислал второе письмо, где советовал «Комсомольской правде» организовать еженедельно полосу, посвященную исключительно литературе и литераторам. «...Это должна быть полоса, посвященная оценке текущих литературных событий, оценка в форме серьезных рецензий, очерков зарубежной антифашистской литературы и главным образом сатирическому и юмористическому освещению явлений, также и поведений».

Горький критиковал писателей за то, что они «не отдают себе отчета в необходимости художественного итога двадцатилетней изумительной работы партии, работы, которая во всех других областях человеческой, пролетарской деятельности блестяще оправдала философскую историю, созданную Марком — Энгельсом — Лениным, и под руководством И. В. (Носика) Виссарионовича Сталина. — С. Т.» и ЦК расширяет, углубляет эту новую философию, спасительную для всего человечества, делает ее возбудителем творческой энергии пролетариата и всего мира».

«Слов не находил, — писал Горький, — чтоб выразить хотя бы приблизительно чувство радости, сжигающей душу, когда перед глазами встает картина неизбежной, чудовищной последней войны и — всемирного освобождения сотен миллионов людей для свободного строительства нового мира».

Человеком этого Нового Коммунистического Мира, его пламенным, мужественным и благородным вестником, трубитом и воином был великий Горький. Он пал на поле брани, сраженный злодейской рукой подлых и презренных врагов нашего счастья, нашего народа, нашей отчизны. Пикто этого не забудет и не простит!

Но история не знает смерти людей, которые служили народу светочем и мечом. Народ делает их имена бессмертными и чтит их память во-веки.

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

За период с 1917 по 1938 год произведений А. М. Горького вышли в СССР на 61 языке. Всего было выпущено за этот период 1164 книги Горького, общим тиражом свыше 38 миллионов экземпляров.

На русском языке вышло 618 книг тиражом 33, 868 тысяч экземпляров, на других языках народов СССР — 546 книг тиражом 4,260 тысяч экземпляров.

За первый квартал текущего года, по данным Всесоюзной книжной палаты, в СССР вышло 30 книг А. М. Горького тиражом 442,550 экземпляров. На русском языке вышло 17 книг общим тиражом 354,400 экземпляров. Кроме того книги А. М. Горького в первом квартале этого года вышли на украинском, армянском, белорусском, татарском, еврейском и бурятском языках.

Гослитиздат выпускает в ближайшие

дни богато иллюстрированное издание повести А. М. Горького «Жизнь Матвея Кожемьякина». Книга иллюстрирована художником Д. Шмарининым.

Вышли из печати два тома 15-томного собрания сочинений А. М. Горького, издаваемого Гослитиздатом. Подготовлены к печати III том, который выйдет в течение текущего года. Гослитиздат решил дополнить это издание еще 10 томами, превратив его таким образом в 25-томное. В эти дополнительные тома войдут фельетоны произведения и газетные публикации А. М. Горького, его публицистические и литературно-критические статьи, включая «Историю русской литературы», а также 3—4 тома избранных писем писателя. Эпистолярное наследие А. М. Горького огромно — в его архиве собрано в настоящее время 5 тысяч его писем.

русскую литературу в Китае читают и любят. Переводы Пушкина, Лермонтова, Т. Толстого, Чехова и других писателей были известны в Китае до революции 1911 года. С Горьким Китай начинает знакомиться с 1917 г., однако первые переводы (Ху Ши и Чжоу Го-спа) не могли дать правильного представления о Горьком, так как были сделаны уже с английского или японского переводов. Только после движения «4 мая 1919 г.» начинают появляться более или менее точные переводы. Раньше всего была переведена повесть «Мать» (перевел Чань Гуан-сянь), вскоре завоевавшая огромную популярность. В отдельных газетах, журналах, специальных изданиях появляются переводы статей, писем, рассказов Горького. С 1930 г. по 1936 г. одно за другим переводятся почти все крупные произведения Горького. С 1930 по 1937 годы «Детство» выходило десять раз! «Мои университеты», «Спутники Орловых», «Фомы Гордеев», сборники рассказов, наконец, «Клим Самгин» (одно из изданий «Клим Самгин» вышло под названием «Предатель») и т. д. — все они неоднократно издавались и издаются. Статьи, письма Горького, публикуемые нашей печатью, моментально переводились и публиковались в Китае. Только до июля 1937 г. в Китае вышло 129 названий.

Горького переводили и переводят крупнейшие писатели и переводчики современной Китая — Лу Синь, Цюй Цюбо, Цао Цзин-хуа, Ва Синь, Хуа Ди, Сяо Цань и многие другие. В 1934 году выходит большой сборник рассказов Горького и статей о Горьком под редакцией писателя-коммуниста т. Мао Дуня (известного

самая страшная форма надругательства капитализма над всем человеческим». И вместе с тем, в нем с бесконечной силой показана жизнь человека, его счастье, которое лежит здесь же, под ногами, то «должное», которое заложено в самом страшном «сущем». И накал ненависти против уродливой, призрачной, неразумной действительности в этом рассказе таков, что он может «сплунуть армию в бой», как сказал Роллан об одном великом произведении прошлого.

История спора Горького с Достоевским посвящена вторая статья В. Еришова. Нам кажется, однако, что тему этой второй статьи автор несколько бы сформулировать и развить как тему борьбы Горького с антигуманистическими течениями в литературе и философии. Естественно, что спор с Достоевским занял бы в такой работе большое место, но его масштабы и его общее значение стали бы при такой постановке вопроса еще более точными.

В Еришове определяет творчество Достоевского как «болезненную суторогу пропавших с гуманизмом». Определенно это, в общем, совершенно правильно. И в своей статье о Достоевском В. Еришов несомненно идет вперед всех советских критиков, работавших над этой темой. Но о Горьком он здесь иногда отстает. Это не относится к конкретному анализу творческого спора Горького с Достоевским, данному в статье В. Еришова. Соотношение «карамазовщины» и «кукурузщины», проблема «разрушения личности» у Достоевского и Горького — все это дано в работе В. Еришова очень остро и точно.

В сущности, В. Еришов сказал о Достоевском то главное, что надо было сказать. Он только не сделал из сказанного окончательных выводов.

Дело заключается в том, что всякое, даже сузорожное промывание с прошлым, сознательно или бессознательно, уже заключает в себе санкцию каких-то сторон будущего. Санкция эта может прямо не проявляться. Но она неизбежно вытекает из характера отрицания, из того, чем худ-

Достоевский платил слишком дорого. И вот этого-то ему не прошал Горький. Характерно, что основным признаком настоящего человека было для Горького отношение его к грязи, боли, страданию. В Пыганке, Смуром, сапожнике Панашкине, в огромном количестве других своих героев Горький отмечает одну и ту же черту, прекрасно выраженную в словах бабушки — «а ты не думай-ка про это», — т. е., про грязь и боль. Не думай — не от равнодушия, не от эгоизма, а для того, чтобы не нырнуть в грязь, не изжить бесплодной, нетворческой жалостью, не поощрять «отвратительного тесслания «сунженных и оскорбленных», о котором столько раз писал Горький.

«Мне солдата не жалко» — говорит Горький-подросток повзр Смурому. А солдат — убогий, затравленный, почти доведенный до убийства и самоубийства своей дикой мечтой. Горький защитил солдата от издевательств, и в нем горело желание быть этих мепан «попленом по грязным башкам». А солдата все-таки не жалко, потому что, несмотря на всю искренность отчаяния, он упорствует, «хочет быть смешным». И повзр Смурый санкционирует этот «антигуманизм Горького»: «Ты не причудись кидаться разводить». Любовь к здоровой жизни и воля к драке — более серьезные основы подлинного гуманизма, чем жалость. Таков объективный смысл этого эпизода.

Отрицание неразумной действительности у всех критических реалистов русской литературы отличается именно такой демократической деловитостью, отсутствием «сложной» чувствительности, того «истерического визга», который слышал у Достоевского Горький.

Горький говорил, что как личность, как «судью мира и людей» Достоевского очень плохо представляет в роли средневекового инквизитора. И не потому, что Достоевский создал Алену и Зосиму, и не из-за великого инвизитора. Нет, подлинное инквизиторство заключалось в том, что жалость, «слабизна замученного ребенка» поражала в Достоевском самый корень жизни,

приводило его к человеконенавистничеству, антигуманизму.

— А клеветки листочки, а дорогие молитвы, а голубое небо, а любимая женщина? Как же ты-то будешь, чем ты любишь их бузень? — горестно восклицает Алена Карамазова, услышав исповедь Ивана.

— Есть такая сила, что все выдержит... — отвечает Иван.

Сила эта — карамазовская, «сила низости карамазовской», как говорит Иван, или «земляная карамазовская сила»... «земляная и нестоящая, необделанная», как говорил Алена.

Вот здесь-то и лежит обяснение слов Горького о том, что Достоевский нашел истину в «эришном, животном начале человека и нашел не для того, чтобы опровергнуть, а чтобы оправдать». Только карамазовщина дает возможность счастья, «право на счастье! Не Ивану Карамазову, конечно. Уж какое ему счастье! Но, значит, только Федор Павлович Карамазов, Карамазов без рефлексии имеет в этом мире моральное «право» на счастье — в меру своего представлений и возможности. И это именно так, потому что представление Достоевского о человеческом, а не о христианско-юродском счастье полнее всего выражено в бредовом представлении «бесенка» Лизы Холмаковой: человек смотрит на распятого ребенка с отрубленными пальчиками и кушает алмазный компот. Такой ценой, конечно, нельзя платить даже за самые выразительные антикапиталистические «тенденции». И судорога пропавших с гуманизмом была в творчестве Достоевского односторонней санкцией надигающегося антигуманизма. Он разрушал человека, отнимал у него самую возможность мечтать о счастье и бороться за него. И это Горький знал. И за это, прямо говоря, Достоевского не выдал.

Работа В. Еришова — хорошая работа, в равной мере нужная и читателям и литераторам. И она была бы очень полезна для наших западных товарищей. По разным причинам. Но прежде всего потому, что «счастье» — новая идея Европы, как сказал почти полтора столетия тому назад Сен-Жюст, как подтвердил недавно Морис Жорс.

Е. КНИПОВИЧ

ДВЕ СТАТЬИ О ГОРЬКОМ

За последние годы у нас написано много статей и книг о Горьком. Среди них есть хорошие и нужные работы. И все-таки серьезный разговор о Горьком, разговор по существу еще только начинается. Горький, как качественно новое явление мировой культуры, место Горького в мировой литературе — эти наиболее существенные вопросы пока еще мало освещены и разработаны.

Статья В. Еришова («Мечта художника и действительность», «Горький и Достоевский»), печатанная в «Красной новье», несомненно, являются разговором по существу, — в этом их огромное достоинство.

Тема «Горький и русская классическая литература» поставлена В. Еришовым не в «академическом» плане.

Тема статей В. Еришова — это соотношение социалистического гуманизма Горького с «возникшего активного гуманизма» русской литературы XIX века, который «вдохновлял ее творцов на героический труд разоблачения современной им буржуазно-дворянской действительности, на сравнение с нее «всех и всяческих масок», на создание гениальных образов, поражающих силой своей жизненности и правдивости».

Такой активный гуманизм всегда связан с мечтой о человеческом счастье. Потому творчество большого художника — это всегда «страшный суд» над неразумной и жалкой действительностью во имя мечты о действительности разумной.

Но «мечта» эта у всех предшественников Горького была неизбежно ограничена рамками истории, рамками эпохи. Тема «должного» была в их творчестве менее реальной, чем тема разоблачения «сущего». В. Еришов показал в своих статьях,

что даже ограниченная, даже утопическая мечта о счастье диалектически по своей природе. Положительное переключено в ней с отрицательным, и она не живет в сознании художника изолированно от его «реализма». Именно она определяет и ограниченность и величие творчества того, кто «мечтает».

Может быть, лучше и тоньше всего показал В. Еришов диалектику мечты и действительности в творчестве Чехова. Ощущение противоречия между «мечтой» о справедливой и прекрасной жизни и носителями мечты, которые сами знают, что не они эту жизнь построят, — вот где справедливо усматривает В. Еришов причину чеховской сдержанности, проявляющейся и в его чутк сентиментическом отношении к своим героям, и в глубине его юмора, и в лирической глубине его грусти.

Говоря о мечте Толстого, автор отодвинул на второй план его «пушкинское начало». Не то, чтобы В. Еришов не говорил о могучем жизнелюбии Толстого, о той заявке на человечность, которую звучит в его творчестве. Но эту сторону он, так сказать, перенес в примечания; он сказал о ней, но не показал ее.

В. Еришов прав, когда он указывает на «тождество» мечты Толстого. И он трижды прав, указывая, в чем это ограничение толстовский реализм. По он неправ, когда мечту Толстого склонен сводить к толстовству. Ведь глухое, непрекращающееся брожение многомиллионных крестьянских масс пореформенной и дореволюционной (до революции 1905 г.) России, эхом которого было творчество Толстого, таило в себе и ограниченность и величие. И это величие выражалось не только в постановке «главных» вопросов, но только в наивной и бесочеловечной критике «сущего», но и в могучей бессознательной тяге к «должному». Вот почему, вопреки реакционно-утопическому «софор-

млению» мечты Толстого, она все-таки «хватала» не только назад, но и вперед.

Вот почему первая встреча Оленина с героями, дочка Наташа, которая хочет весенней ночью обхватить колени старухе и улететь, слишком быстрые для ее ступней шаги графини Ростовых, когда она спешит навестить сына, связанный возом, дико и просто оглаживающий охотников, — все это дерзкая, пушкинская «заявка на человечность». И человек, прикончившийся к такому творению искусства, обретает сознание своего человеческого достоинства, своего права на красоту и радость, на подлинно человеческую жизнь.

Верно, Горький спорил с Толстым, жестоко разоблачал толстовство, и «канонизация» Толстого была для него, так же, как и для Ленина, делом, достойным либеральных прохвостов и жуанков.

Но вместе с тем отношение Горького к Толстому точнее всего передает та надпись на гробнице Ньютона в Вестминстерском аббатстве, которую Горький приводит в «Заметках читателя»: «Да позаряет себя смертные, что существовало такое и столь великое украшение человеческого рода».

Очень хорошо, что Пушкин выступает в статье В. Еришова последним.

Мечта Пушкина, вся проинзанная гениальным ощущением того, что «счастье есть лучший университет» для человечества, как бы подает руку пролетарской, социалистической мечте Горького. И не менее хорошо, что тем основным материалом, на котором В. Еришов показал соотношение мечты и действительности, «два плана», в творчестве Горького является рассказ «Страсти-мордасти». Это — большая творческая смелость, это — верность «глини наиболее сопротивляющейся», которая должна быть свойственна советскому критику.

В рассказе этом действительно дана

Достоевский платил слишком дорого. И вот этого-то ему не прошал Горький. Характерно, что основным признаком настоящего человека было для Горького отношение его к грязи, боли, страданию. В Пыганке, Смуром, сапожнике Панашкине, в огромном количестве других своих героев Горький отмечает одну и ту же черту, прекрасно выраженную в словах бабушки — «а ты не думай-ка про это», — т. е., про грязь и боль. Не думай — не от равнодушия, не от эгоизма, а для того, чтобы не нырнуть в грязь, не изжить бесплодной, нетворческой жалостью, не поощрять «отвратительного тесслания «сунженных и оскорбленных», о котором столько раз писал Горький.

«Мне солдата не жалко» — говорит Горький-подросток повзр Смурому. А солдат — убогий, затравленный, почти доведенный до убийства и самоубийства своей дикой мечтой. Горький защитил солдата от издевательств, и в нем горело желание быть этих мепан «попленом по грязным башкам». А солдата все-таки не жалко, потому что, несмотря на всю искренность отчаяния, он упорствует, «хочет быть смешным». И повзр Смурый санкционирует этот «антигуманизм Горького»: «Ты не причудись кидаться разводить». Любовь к здоровой жизни и воля к драке — более серьезные основы подлинного гуманизма, чем жалость. Таков объективный смысл этого эпизода.

Отрицание неразумной действительности у всех критических реалистов русской литературы отличается именно такой демократической деловитостью, отсутствием «сложной» чувствительности, того «истерического визга», который слышал у Достоевского Горький.

Горький говорил, что как личность, как «судью мира и людей» Достоевского очень плохо представляет в роли средневекового инквизитора. И не потому, что Достоевский создал Алену и Зосиму, и не из-за великого инвизитора. Нет, подлинное инквизиторство заключалось в том, что жалость, «слабизна замученного ребенка» поражала в Достоевском самый корень жизни,

ЧЕМУ И КАК УЧИТЬСЯ

СЕРАФИМА БИРМАН
Заслуженная артистка РСФСР

Произведения драматического актера, не считая кинокартин и записей на пленках, умирают вместе со своим творцом. От актера не остается ни нот, ни книг. В живом актере хранятся и мелодии интонаций, и скульптура мизансцен, на коже его лица — портреты его образов, и все это живо, пока живет актер. Вот почему актеру нельзя терять лет, месяцев, даже дней без работы, без творчества. Ему нужны роли, нужны зрители, нужен контакт со зрителем. Актер спешит жить, а жить для него — значит работать.

Быть актером — значит горячо и преданно жить жизнью изображаемого им лица. Это право актера.

Довести жизнь изображаемого лица до сведения зрительного зала — это обязанность актера. Большую радость и счастье получает актер от использования своих прав и выполнения своих обязанностей.

Константин Сергеевич Станиславский знал, какое громадное значение для театрального искусства имеют умение актеров учиться и работать.

Он очень тосковал, что не может быть всюду, во всех углах нашей страны, чтобы видеть, слышать всех актеров: молодых, средних, старых, всем им помочь.

Мне кажется, что еще очень не точно поставлена учеба в театральных училищах и учеба — повышение квалификации — уже взрослых актеров. Искусство актера — сложнейшее искусство. Оно еще не выверено, не вполне изведано. И как трудно сохранить верные взаимоотношения между анализом и интуицией.

Не приходится спорить, анализ психологический, социальный необходим, но вера и интуиция озают сценическое произведение блеском. Интуитивные и умные художники сны сильнее художников просто умных.

Воображение шагает в семиверстных сапогах — воображение не боится расстояний.

Воображение быстро ликвидирует неизвестность — оно делает образ, нами изображаемый, знакомым, близким. И не только нам, но и зрителям.

Меня очень беспокоит «плоты просвещения», т. е. не истинная грамота, не подлинное просвещение, а их карикатура. Не живая вода знания, а мертвая вода зубрежки, которая не может разбудить, оживить ни самого студента, ни зрителя. Я не могу согласиться безоговорочно с похвалами, которые рстачают т. Соловников (в докладе на совещании работников московских театров) некоторым спектаклям этого сезона. У нас еще существуют театры мажорные и театры минорные. Напрасно Комитет культивирует эту «классовую дифференциацию». Нам нужно прежде всего ценить талантливого артиста и талантливые спектакли, независимо от «положения» театра, актера, драматурга и т. д.

Очень серьезный вопрос — метод преподавания системы Станиславского. Нельзя эту систему вызубрить и нельзя ее преподавание доверить людям, не имеющим на это никакого права. Я одна из первых авиалистов актеров, на которых Константин Сергеевич Станиславский проверял основы своей системы. Я много лет поработала в Художественном театре под непосредственным руководством Станиславского.

К. С. Станиславский однажды рассказал нам случай с одной талантливой американской актрисой. Он дал ей несколько уроков, когда был на гастролях в Америке. Потом Константин Сергеевич уехал, а она стала брать уроки у других преподавателей «системы». Константин Сергеевич отыскал где-то в одном из европейских санаториев. Однажды к нему ворвалась расстроенная женщина, в которой он с трудом узнал свою «учени-

цу-американку». Она схватила его за лацкан пиджака и простонала: «Верните мне мой талант!» Константин Сергеевич отдал ей много своего времени, чтобы разобраться, почему актриса «потеряла талант». И оказалось: преподаватели «системы Станиславского» заставляли ее заучить отдельные элементы системы вне связи с целым, вне смысла, для которого существует система, т. е. она выучила лишь алгебру гармонии.

Константин Сергеевич говорил, что он, как Сальери, «поверил алгебре гармонии». Общее всем талантливым людям он разделил на составные части — гармонию поверил алгебре, но алгебра ему была нужна для гармонии, как нечто подсобное, почти служебное, а не самоцелью.

И вот в этом ошибка многих «смельчаков», берущихся преподавать «систему Станиславского». У них нет размаха, вдохновения, какими обладал великий мастер Станиславский, у них нет его мудрости, у них нет и той великой детской интуиции, которая была у Станиславского.

Это было очень-очень давно, но все же я помню, как Константин Сергеевич говорил, что его система, как пест для хороших прыгунов. — она помогает прыгать выше, дальше, но она требует умения прыгать.

Как же все-таки изучать систему Станиславского? Брать из его книг, от людей, которые были тесно связаны с ним, в особенности последние годы его жизни, брать только близкое сердцу, понятное, без натянутости, возбуджающее отклик в творческой природе данного художника.

«Гармония стиха божественные тайны Не думай отдавать по книгам мудрость».

С этими двумя строчками мы не соглашались. Из книг мудреца Станиславского мы можем об очень многом догадываться, многое узнать, многое понять и черпать в них большую силу для своего дела в театре. Но надо читать их сердцем, как он писал. Без схоластики Станиславский искал истину искусства, он собирал ее, как крупинки золота. В его книгах надо вычитывать то живое, что он вписывал в их страницы. Станиславского надо уметь читать. Надо брать от него то, о чем мы можем легко сказать — это то, что я знаю, и это то, что я помню, это так.

Станиславский любил театр. Он, как Данко, вырвал для театра свое сердце, чтобы было светло, чтобы люди видели дорогу. В его книгах остались искры его пламенного сердца — вот почему нельзя его систему преподавать холодно. Это искажило бы сущность, смысл и цель его учения.

Слишком многих театров, которое в свое время было произведено Комитетом по делам искусств, театров, разных по своим задачам, художественному темпераменту, взглядам на искусство, породило болезненное самочувствие среди многих театральных работников. Мичурин, производивший чрезвычайно смелые и плодотворные опыты скрещивания разнообразных пород, придерживаясь правильного принципа — соединять самое лучшее в плодах различных растений. А наши театры были слиты таким образом, что хорошее, что имело в каждом из них, пропало, а худшее было развилось, заглушая живые ростки в каждом из слитых театров.

Необходимым условием для правильного развития каждого актера является его спаянность с коллективом своего театра. Общая вера, идея, направленность, любимый метод работы — все это чрезвычайно повышает производительность труда и дает ощущение счастья. Самую прочную радость испытывает человек, когда работа у него спорится.

Трагедия В. Шекспира «Отелло» в постановке Казанского Большого драматического театра, гастролирующего сейчас в Москве. На снимке: сцена из 4-й картины IV акта.

А. СЕМЕНОВ

«ОСВАИВАЯ КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО»...

Прочта в газете или журнале рецензию на спектакль, зритель может согласиться с критиком или же не согласиться с ним. Удовольствия от посещения самого театра критик вам не портит.

Но есть особый вид театральных критиков. Они занимают место рядом с вами и как будто высказывают свое мнение во время самого спектакля.

Если такой критик лишен вкуса и элементарного такта, если он ворочает своим языком так, как будто только что вынул его из нафталина, он превращается для вас в маленького инквизитора.

Британики — соседями по креслу являются составители всевозможных «изданий театров». Конечно, это очень культурное и нужное дело — сважать посетителя театров брошюрами, посвященными замыслам режиссера и актеров, характеристике драматурга или композитора и т. д.

Хотелось бы при этом только одного: чтобы, читая эти брошюры, зрители имели возможность сохранять если не праздничное настроение, то по крайней мере хладнокровие.

Зрители, пришедшие в Большой театр на «Шелкунчика» и имевшие неосторожность приобрести брошюру Ю. Слонимского об этом балете Чайковского, должны почувствовать себя как-то тревожно.

До сих пор они, скажем, думали, что в балете балетмейстер ставит танцы. Из указанных брошюр зрители узнают, что должность у балетмейстера совсем другая: он, в зависимости от разного рода довольно сложных и смутных обстоятельств, «снимает проблему», или же «подводит базу».

«В. Вайнонен сознательно не снимает балетной условности...» «Как с танцевальных номеров, так и со всей сценической обстановки снят лак...» «В. Вайнонен пошел под бой правильную, очень выразительную базу...»

Вся брошюра Ю. Слонимского представляет собой нестерпимую смесь страшно научных терминов и канцелярских оборотов.

Вместо того чтобы, например, сказать просто: советские театры решили возобновить балет Чайковского, автор пишет так: «Проблема (обязательно проблема — как можно больше всевозможных проблем!) использования музыкально-сценических ценностей постановки еще в 1929 г. на постановку для гостеатров вопрос о возобновлении «Шелкунчика»...»

Проблема, которая поставила вопрос, да еще на постановку для гостеатров! Тут, в самом деле, есть отчето забеспокоиться! В этом же духе написана вся брошюра. «Яркие изобразительные приемы и новая трактовка содержания, вследствие крайне формалистического подхода к спектаклю, не могли спасти от сравнительно короткого существования на сцене этот вариант постановки».

«Постановка В. Вайнонена отличается от предшествующих, используя их опыт и их ошибки» (отличается — используя!).

«Сценарий I акта, в работе В. Вайнонена, делается сквозным».

«Разработанное действие I акта (действие акта!) дает достаточную подготовку для развертывающихся сновидений, в которых фантастика деформирует бытовые явления».

В заключение автор называет свою работу сравнительным анализом и с самым серьезным видом заявляет, что работа В. Вайнонена именно в свете этого сравнительного анализа «предоставляет советскому зрителю возможность слушать одну из лучших музыки П. И. Чайковского».

Брошюра о «Шелкунчике», кроме своего выдающегося косноязычия, обращает на себя внимание еще тем, что она предостерегает целую ряд коллегий, в составе которой мы находим имена таких высококалорийных музыкальных критиков, как Б. Асафьев и И. Соллертинский.

Мы готовы допустить, что в свое время они как-то прошли мимо всех этих певцов «сравнительного анализа».

Мы понимаем — с классическим наследием хлопот масса, кое-что можно и неосмотреть. Вот и Ю. Слонимский отмечает, что на всех балетах Чайковского лежит «печать кризиса», и это «заставляет нас, осваивающих классическое наследие, значительно проредактировать «Лебединое озеро», заново поставить «Шелкунчика» и задуматься над «Спящей красавицей».

По все же, уважаемые товарищи, когда вы будете готовить четвертое издание брошюры о «Шелкунчике», может быть у вас хватит времени задуматься не только над «Спящей красавицей», но и над русской грамматикой?

Задуматься — и не мешать песком в ботинки, а в базах, сквозных сценариях и деформированных бытовых явлениях слушать то, что Ю. Слонимский называет «одной из лучших музыки» Чайковского.

ИОГАНН АЛЬТМАН

ПУТЬ К ПОБЕДЕ

Последняя пьеса А. Толстого «Путь к победе» ставит ряд важнейших вопросов перед советской литературой и особенно драматургией.

Пьеса «Путь к победе» развивает философско-политические и исторические взгляды выдающегося советского писателя, изложенные им в повести «Хлеб».

Время действия в «Хлебе» — 1918 год. Время действия новой пьесы — 1919 год. Тема «Хлеба» — оборона Парижа, организация Красной Армии, борьба за хлеб и за социализм, борьба за советскую республику. Тема новой пьесы — разгром Деникина.

Но точно так же, как в «Хлебе» сконцентрированы узловые вопросы революции, так и в «Пути к победе» тема значительно шире, чем изображение военной операции против Деникина: борьба за советскую республику, объединение народа вокруг коммунистической партии и ее вождя Ленина и Сталина. Широко поставлена проблема формирования нового человека, растущего в боях за социализм.

В пьесе «Путь к победе», как и в «Хлебе», действуют рабочие и крестьяне, женщины, молодежь. Идея народной войны — вот что основное в пьесе «Путь к победе».

Но «Путь к победе» художественно более слабое произведение, чем предыдущие произведения Толстого. Как это случилось, что постановка себе более широкие и важные задачи, что, сделав центральными героями пьесы Ленина, Сталина и старого боевого рабочего Чувилова, пьеса не производит такого впечатления, как, скажем, «Хлеб». А ведь и «Хлеб» имел немало художественных недостатков.

да Ленина и Сталина (в которой выключены план разгрома Деникина) дана значительно лучше, чем в первом варианте, тем не менее характеры и образы вождей обрисованы недостаточно глубоко.

«Судьба человеческая — судьба народная», — говорил Пушкин. В пьесе Толстого мы действительно видим, что судьба рабочего Чувилова или крестьянки Василисы, или комсомольцев Сашки и Лаврентия является частью общей народной судьбы. Но мы не видим в пьесе богатства и многообразия характеров Ленина и Сталина, наиболее полно представляющих новую народную судьбу.

В этом существеннейший недостаток пьесы.

Автор правильно сделал, избрав темой драмы борьбу народа против второго похода Антанты, так как это один из наиболее драматических моментов в истории борьбы советского народа за целостность и независимость своей страны.

Было бы неверно, если бы мы требовали от художественных произведений, трагующих исторические события, только правильности изложения этих событий. От художественного произведения требуется значительно больше.

От художника, если он хочет быть художником больших, народных, исторических масштабов, требуется не просто знание истории и верное изображение ее, а, прежде всего, философский подход к делу, умение видеть в художественных образах воплотить и обобщить исторически конкретные истины. От художника требуется не только историческая правда, а историческая объективная жизненная правда, выраженная художественно, т. е. художественная правда.

В пьесе больше, чем в другом художественном произведении, играет роль взаимодействие. Раз нет достаточно глубокого развития характеров всех героев пьесы, мы не можем обнаружить пути, которыми они идут к социализму, и то особенное влияние, которое оказали на каждого из действующих лиц вожди революции. Действительно, хотя В. И. Ленин и провозгласил в пьесе слова, которые убеждали и убеждают миллионы массы, но, изолированные от контекста соответствующих ленинских речей и статей, они, эти слова, не достигают в пьесе достаточно эмоционального силы.

В первом варианте пьесы для картины беседы в сторожке Толстой использовал многочисленные статьи Ленина, как, например, «Итоги партийной недели в Москве» и «Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока». «Доклад на VII Всероссийском съезде Советов» и другие статьи и речи В. И. Ленина. В последнем варианте пьесы автор отказался от многочисленных цитат, ведь немало своего текста, но Толстому все-таки не удалось передать живой дух ленинской речи, ее образность, ее динамичность, эмоциональность. В ленинском тексте остались цитаты из статей и речей, хотя их сейчас уже значительно труднее обнаружить.

Шумит дождь. В заводской сторожке горит железная печь. Старик сторож подкидывает дрова. Рабочий Чувилов (как и сторож) сомневается в том, победим ли мы врагов. Показано, что Чувилов действительно честный рабочий, но, как говорит о себе Владимиру Ильичу, — он «запутался». И когда Ленин разговаривает с Чувиловым, нам хотелось бы, чтобы Ленин и в пьесе говорил теми простыми, задуманными словами, которые так глубоко запалили в душу его собеседников.

Вместо этого Толстой заставляет своих героев высказываться в маленькой сторожке такими словами, которые употребляются в статьях, на митингах. А ведь Ленин и Чувилов, оказывается, старые, близкие знакомые, и Ленин удивляется перед всеми, что Чувилов честный рабочий, старый активист, боец Красной Пресни, ссылавшийся в далекий Якутск. Ленин с Чувиловым на «ты». Чувилов, по мысли автора, должен был быть глубоко потрясен словами Ленина. Именно поэтому он, только что сомневающийся, отправляется на фронт против белых. Но автор не вложил в уста Ленина те слова, которые могли бы именно в данной конкретной ситуации, именно данного конкретного Чувилова взволновать, потрясти, убедить. Не этим ли объясняется, что игра Рапопорта в театре им. Вахтангова в последнем спектакле значительно слабее, чем в «Человеке с ружьем»...

Значительно более живые, убедительные сердечные, простой разговор Ленина с

рабочей делегатке, отправляющейся на юг (повесть «Хлеб»), более убедительный образ Ленина-трибуна, обрисованный Толстым в романе «18-й год».

Приведем еще пример. В первом варианте пьесы Сталин излагает свой план разгрома Деникина на совещании. В последнем варианте Толстой рисует Ленина и Сталина, наедине обсуждающих план разгрома Деникина. Здесь опять-таки хотелось бы видеть теплоту интимного дружеского чувства соратников, друзей. Фильм «Ленин в 1918 году» имеет то крупное достоинство, что он показал глубокую дружбу вождя революции. Дело даже не в отдельных репликах, которыми, конечно, мог бы наделить своих героев Алексей Толстой. Дело в более значительном. Сталин излагает свой генеральный стратегический план Ленину. Ленин принимает этот план. Это — очень важный исторический момент. Собеседники могут и не произносить специальных слов о победе, о дружбе или вступать в спор, но весь строй речей и реплик каждого из собеседников, вся сложная беседа, в которой выдвигаются десятки и сотни новых аргументов, — все это должно рисовать характер отношений Ленина и Сталина. Именно этого нет в новой пьесе Толстого.

Нельзя сказать, что новая пьеса Толстого слабее некоторых других пьес о Ленине и Сталине, написанных в XX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В пьесе Толстого есть две весьма удачные картины («Сукковина» — картины 6-я и 7-я). Но мы не оступили в пьесе цельности и той непосредственности, которая отличает далеко не совершенную пьесу Погодина «Человек с ружьем».

«Судьба человеческая — судьба народная», — этот высший пушкинский принцип изображения человеческого характера в связи со всей народной судьбой является для нашей литературы идеалом, к которому надо постоянно стремиться.

Два персонажа, которые могли бы быть увлекательными, оказались наиболее бледными. Речь идет о комсомольцах Лаврентии и Саше.

Такой крупный художник, как Толстой, мог бы, кажется, понять, что вся свободная ситуация Лаврентия и Сашки — не к чему. Их разговоры надуманны, абстрактны. Нет! Даже в суровом 1919 году влюбленные комсомольцы говорили ярче, убедительнее, с большей теплотой, чем говорят Лаврентий и Саша о своих интимных чувствах. Толстой, очевидно, почувствовал это, но сделал из этого не те выводы. В последнем варианте, очевидно, для «утепления» образов, любовь Лаврен-

тия и Сашки превращена чуть ли не в центральную тему их жизни.

В первом варианте пьесы рабочий Чувилов обрисован значительно ярче. Фильм в первом варианте (приезд Ленина к рабочему Чувилову) кажется нам лучше фильма второго варианта.

В первом варианте тема «похода четырехнальди держав» выражена яснее, и в этом отношении пьеса была более цельной.

В первом варианте мы не замечали любви Лаврентия и Сашки, и назойливое подчеркивание этой любви в последнем варианте отнюдь не улучшило пьесу.

Что же сказать о театре имени Вахтангова, показавшем нам «Путь к победе»? Мы уже указывали, что артист И. М. Рапопорт сухо проводит свою роль. Иногда кажется, что Рапопорт диктует кому-то свои реплики. Кажется, что Рапопорт говорит через голову своих собеседников с какими-то другими людьми. И Рапопорт опять возродил некоторую суестьность и условность жестов, которые были справедливо подвергнуты критике в аннотационных рецензиях и статьях, писавших об образе Ленина. Можно сказать со всей ответственностью, что, несмотря на отмеченные нами недостатки пьесы, и игра Рапопорта не подымается до литературного уровня образа, созданного Алексеем Толстым.

Р. Симонов тепло, вдумчиво, с большой внутренней сосредоточенностью проводит свою роль. Особенно хороша пятая картина. Серпухов — штаб фронта. Кабинет Сталина. Симонов преодолевает ту скованность движений и сухость, которая была характерна для его игры в пьесе Погодина «Человек с ружьем». Но Симонов, нам кажется, допустил другую ошибку. Внешнее сходство, конечно, не самое главное, но игнорировать его ни в коем случае нельзя. Рапопорт, несмотря на внешнее сходство с образом Ленина, к сожалению, не достиг в этом спектакле той силы убеждения, которую мы вправе требовать от актера. Симонов же, несмотря на внешнее сходство, создает правдивый образ. Зритель, однако, вправе требовать от актера стремления к наиболее полному воплощению образа товарища Сталина.

Артист И. Толчанов играет рабочего Чувилова нервно. Насколько удачно он проводит свою роль в первой картине (в сторожке), настолько неудачно он играет в ряде других картин, особенно во второй (Орел) и в четвертой (деревня). Может быть, на игре Толчанова сказывается то, что в роли не дана та гамма пе-

редов от одного состояния в другое, которая необходима актеру для того, чтобы показать образ в развитии. Может быть. В спектакле перед нами два резко отличающиеся друг от друга образа: Чувилов — колеблющийся и Чувилов — окончательно и до конца во всем убежденный. Гораздо естественнее Толчанов в девятой картине (вокал). Здесь словно на несколько мгновений возвращается обязательный образ рабочего Чувилова, много чувствующего и думающего.

В первом варианте мы не замечали любви Лаврентия и Сашки, и назойливое подчеркивание этой любви в последнем варианте отнюдь не улучшило пьесу.

Что же сказать о театре имени Вахтангова, показавшем нам «Путь к победе»? Мы уже указывали, что артист И. М. Рапопорт сухо проводит свою роль. Иногда кажется, что Рапопорт диктует кому-то свои реплики. Кажется, что Рапопорт говорит через голову своих собеседников с какими-то другими людьми. И Рапопорт опять возродил некоторую суестьность и условность жестов, которые были справедливо подвергнуты критике в аннотационных рецензиях и статьях, писавших об образе Ленина. Можно сказать со всей ответственностью, что, несмотря на отмеченные нами недостатки пьесы, и игра Рапопорта не подымается до литературного уровня образа, созданного Алексеем Толстым.

Р. Симонов тепло, вдумчиво, с большой внутренней сосредоточенностью проводит свою роль. Особенно хороша пятая картина. Серпухов — штаб фронта. Кабинет Сталина. Симонов преодолевает ту скованность движений и сухость, которая была характерна для его игры в пьесе Погодина «Человек с ружьем». Но Симонов, нам кажется, допустил другую ошибку. Внешнее сходство, конечно, не самое главное, но игнорировать его ни в коем случае нельзя. Рапопорт, несмотря на внешнее сходство с образом Ленина, к сожалению, не достиг в этом спектакле той силы убеждения, которую мы вправе требовать от актера. Симонов же, несмотря на внешнее сходство, создает правдивый образ. Зритель, однако, вправе требовать от актера стремления к наиболее полному воплощению образа товарища Сталина.

Артист И. Толчанов играет рабочего Чувилова нервно. Насколько удачно он проводит свою роль в первой картине (в сторожке), настолько неудачно он играет в ряде других картин, особенно во второй (Орел) и в четвертой (деревня). Может быть, на игре Толчанова сказывается то, что в роли не дана та гамма пе-

«ДРУЖБА НАРОДОВ»

Скоро выйдет второй номер альманаха «Дружба народов».

В нем будет опубликован новый рассказ Шавла Дадияни «День поэта» — о Шота Руставели. Писатель показывает день жизни Руставели при дворе царицы Тамары.

День начинается утринным составлением стрелков. Победитель — статный, юнцовый юноша Шота, лучший стрелок Грузии. Народ любит Руставели, распекает его песни. Поэт — мудр. Не хотя приходить за разрешением всех своих тяжб, юноши благоговейно внимают каждому его слову.

Шота для народа — символ культуры и благородства. Шота бодр, радостен, свободен. Окруженный восхищением и любовью народа, он в то же время испытывает ненависть и завистников и монашества. Монахи требуют предать поэта анафеме. Но ничто не может сломить бодрый дух Шота Руставели, верящего в великую силу своего народа.

День кончается трагически для поэта. Поздно вечером, когда Шота вернулся домой к его жене с рыданиями прижал к себе ребенка Зосима. Он признался, что тенью реки унесло сумку, в которой были все произведения поэта, все песни и поэмы, навеянные днями изгнания. Шота подавлен несчастьем. С чем он предстанет перед народом, кто оставит потомству? Но воспоминание о «Витязе в барсовой шкуре» дает ему новые силы для жизни.

Мужественный, решительный, он скачет во дворец царицы Тамары, чтобы там на совете кликуш-монахов отстаивать свою свободу, свое право сказать песни.

Рассказ Дадияни «День поэта» перевел Натю Чекелев.

В этом же номере журнала печатается полностью 2-я часть трилогии С. Сяляренко «Николай Шор», описывающая борьбу с Петлюрой, польскими интервентами и гибель Шора.

В разделе поэзии публикуется цикл стихотворений армянского поэта Ованеса Караза, отрывок из поэмы «Зеленая дубрава» белорусского поэта Аркадия Куденкова и произведение поэта Чуванши Аркадия Оселья «Мичуринцы нашей деревни».

Печатаются белорусские басни К. Крапивы и армянские М. Кюрюян. Специальный раздел журнала посвящен национальному эпосу и фольклору. В нем помещены статьи об эпосе армянского и калмыцкого народа, пословицы и поговорки Узбекистана и Казахстана.

Ответственным редактором альманаха назначен П. Павленко.

«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Сельмов (нильский) номер журнала «Интернациональная литература» посвящен 150-летию Французской буржуазной революции. Журнал открывает новым переводом революционного гимна французского народа «Марсельеза» П. Антроповского.

На материалах литературного прошлого большой интерес представляет письмо о Французской революции Георга Форстера, который был тесно связан со многими деятелями Французской революции. Впервые на русском языке публикуется ряд речей и литературных произведений Сен-Жюста.

В разделе публицистики печатается речь секретаря ЦК французской коммунистической партии Мориса Тореза о Робеспьере. В специальном разделе «Культурные памятники Французской революции» собраны документы, отражающие политику Конвента в области культуры и искусства.

В разделе теории и критики вошли статьи: Б. Эттингера «Тема Французской революции в современной западной литературе», Н. Богословского «Французская революция и русская литература», И. Фрадкина «Анатоль Франс и Французская революция».

Кроме того, в журнале будут помещены статьи современных французских писателей (Ж. Кассу и других) о революционных традициях во французской литературе.

А. КР.

В ССП Белоруссии

МИНСК (От наш. корр.). На заседании правления союза советских писателей БССР, прошедшем под председательством народного поэта БССР Якуба Коласа, приняты в члены союза писатели: автор пьесы «Давнь Волгу» майор авиации Б. Макарьев, молодой критик Г. Березин, писатель-человеческий А. Митрофанов и детский писатель Т. Леванович.

Из кандидатов в члены союза переведены: еврейский поэт М. Гурбан и белорусский прозаик М. Поселович.

По сюжету пьеса напоминает некоторые своими штрихами «Фунтэ Овехуна». Постановка 2 апреля этого года на сцене Мордовского государственного драматического театра, первая национальная мордовская пьеса имела большой успех.

Впервые за всю свою историю мордовский народ увидел себя на сцене, услышал свой язык. Президиум Верховного Совета МАСОР наградила почетными грамотами и выдал денежные премии автору пьесы, руководителю театра и артистам. Это было большим культурным праздником в Мордовской республике.

Заслуживает внимания творчество покойного мордовского поэта Безбородова. Умер он в 1935 г., 28 лет от роду, оставив большое поэтическое наследие. В настоящее время вышел первый том его сочинений на мордовском языке. В 1940 г. Мордгия предполагает выпустить полное собрание его сочинений в 3—4 томах и одолжить на русском языке.

Упорно и серьезно работает мордовский писатель Коломасов. Он пишет пьесу и заканчивает большую повесть о современном колхозной жизни Мордовии.

В 1939 г. Мордгия выпускает сборник стихов и рассказов пятнадцати других мордовских поэтов и писателей: Радина, Карасева, Веры Курванова, Чумакова, Чанкинина, Пятаева, Прончатова, Аюшкина, Родкина, Вечканова, Пинского, Рогожина, Лутьянова, Водясова, Кономанкина.

Ознакомление с произведениями некоторых перечисленных писателей убеждает, что товарищам необходима очень серьезная редакторская помощь. Если такая редакторской помощи не будет им оказано, то можно опасаться, что многие сборники выйдут в свет с серьезными литературными изъянами.

Но редакторских кадров в Мордовии совершенно не достаточно. Вот такие редакторы, которые возмущаются, что в произведениях рядом с положительным типом действует тип отрицательный. «Зачем, — говорят такие редакторы, — показывать отрицательные типы, что у нас нехватает положительных?» Возмущаются они и в том случае, если положительный тип, скажем, колхозница-урадинца, героиня, разведаясь с мужем-лыдырем, пьяницей, мечтает о счастливой жизни, о красивой любви.

«Нет, — говорят ханжи редакторы, — такая колхозница не должна разводиться с мужем, она должна его переносить, иначе она не положительный тип».

Для Мордовии выходом из положения может быть одно — привлечение к редактированию сборников научных работников-литературоведов Госплана и Института истории, языка и литературы. Товарищи охотно выражают желание работать с писателями, и это дело бы двойную пользу: наиболее квалифицированную редактуру и сближение научных работников с писателями, что внесло бы свежую струю в деятельность мордовской писательской организации.

В 1939 г. выддут в свет два альманаха мордовской литературы на русском языке. Альманахи эти мыслятся, как средоточие творческой работы писателей и литературоведов. Широкая редакция этих альманахов из писателей, научных и партийных работников должна заменить собой недостающий локт творческого авторитета для всех писателей Мордовии, что даст возможность сплотить все силы на основе делового, творческого, критичного подхода к творчеству каждого писателя.

Плохо обстоит дело с переводами мордовской литературы на русский язык. Квалифицированных переводчиков нет совсем. А переводить есть что. Взять хотя бы творчество прославленного скальтелинца мордовского народа Ф. И. Беззубовой.

Собран богатейший фольклор мордовского народа. Один сборник в 27 печатных листов лежит без движения в Институте истории, языка и литературы с 1935 г. Другой сборник в 22 печатных листа слал в производство Мордгия. Фольклор мордовского народа замечателен по своим художественным качествам, и издать хотя бы один том его на русском языке совершенно необходимо.

Правление ССП СССР должно привлечь квалифицированных переводчиков к работе по ознакомлению советских читателей с художественным богатством мордовского эпоса и лучшими произведениями мордовских писателей.

«...Маркуша, дворник, сидя на полу, строгал палочки и планил для птичьих вьеток, которые делал повнок, чепеловато и прочно».

— «Шакир, давайте чего-нибудь делать!» — «Айда, завод глядим!»

В Гослитиздате выходит новое издание повести А. М. Горького «Жизнь Матвея Кожемякина» с иллюстрациями художника Д. Шарнирова.

ПРИОБРЕТЕНИЯ МУЗЕЯ А. М. ГОРЬКОГО

Музей А. М. Горького за последнее время приобрел ряд новых интересных литературных и художественных материалов, связанных с жизнью и творчеством великого русского писателя.

Сталинградский музей краеведения передал Музею Горького книжку с рассказом Горького «Сторож» с личным автографом писателя. Алексей Максимович прислал эту книжку из Сорренто в Сталинград 23 июня 1928 года своему сотруднику по работе на железной дороге в 1888—1899 году, В. И. Ближнему.

М. А. Базанов передал музею интересные подлинники фотографии семьи Кашириных, в частности фотографию дочери дедушки, Василии Кашириной — Натальи Васильевны Кашириной, сестры матери Горького. Приобретены также у Н. Е. Буренина 40 фотографий 1906 года, на которых изображен Горький.

Художник Б. А. Дектерев передал в дар музею 6 рисунков к «Фоме Гордееву», к пьесам «На дне», «Враги», «Мещане» и «Достигаев и другие». Художник Н. А. Павлов передал музею зарисовки Сормова.

П. А. Заломов передал в дар музею фотографии Погорелько с семьей (Погорелько — прототип Находки из повести Горького «Мать»).

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ГОРЬКОМУ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Институт литературы Академии наук СССР и Ленинградское отделение союза советских писателей 16 июня проводят научное заседание, посвященное третьей годовщине со дня злодейского умерщвления А. М. Горького.

Вступительное слово скажет проф. В. А. Десницкий. С докладом выступит проф. И. К. Писанков («Итоги изучения Горького за последние годы») и Б. А. Балик («Эстетика Горького»).

ВЕЧЕР ПАМЯТИ МАТЭ ЗАЛКА

Оборонная комиссия союза советских писателей и совет Клуба писателей устраивают 16 июня в клубе МГУ особый вечер памяти Матэ Залка. После вступительного слова Вс. Вишневского с воспоминаниями о Матэ Залка выступит Раиса Азарх, В. И. Акин, В. Е. Ардов, А. А. Юбах, Б. В. Лавровский, К. Я. Левин, О. Г. Савич и А. Н. Фурманова. Вечер закончится концертом.

В МИРЕ КНИГ КНИГИ, НАПЕЧАТАННЫЕ В ОДНОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ

Причины малых тиражей книг, писал известный библиограф Г. Геннадий, «разные, и часто одна причина какого-нибудь автора, который нарочно желает приладить редкость своему произведению. Есть общества библиофилов, печатавшие свои издания соответственно числу членов общества, всегда почти небольшого. Часто печатавшие что-либо для своих частных целей ограничивают число оттисков... Иногда печатают книгу только для различия нескольких лицам, в определенном, номерованном числе экземпляров. Наконец, есть книги, печатанные в одном экземпляре, и таким образом они могут быть больше редкостью, чем иная рукопись, существующая иногда во многих списках».

Укажем здесь несколько таких уникальных изданий, напечатанных для прихоти и забавы.

В 1888 г. в пятидесятилетний юбилей литературной деятельности А. Н. Майкова ему была подарена книга с приветственными стихотворениями. Книга эта была напечатана в одном экземпляре.

Такой же юбилейный подарок в 1886 г. по случаю десятилетия газеты «Новое время» был сделан ее сотрудниками издателю А. С. Суворину. Ему была подарена книга в 346 страниц: «Автобиография сотрудников «Нового времени». Единственный экземпляр этой книги, напечатанный на японской бумаге, был передан в темнокрасный шпатель с золотым обложком.

Казанский профессор истории русского права Н. П. Загоскин, любивший потешаться над библиомагией, хотя сам был страстным книголюбом-коллекционером, напечатал для подарка другому книголюбу брошюру-рассказ П. М. Медведева «Мокей Михеич и его сестрица». На заглавном листе брошюры было напечатано следующее: «Отдельный оттиск из журнала «Волжский вестник», изданный в одном экземпляре для рыночного библиофила Николая Петровича Лихачева, на память о редакторе журнала Н. П. Загоскина, 6 декабря 1893 года. Николай день». Но этот именитый подарок не достался тому, для кого был предназначен. В редакцию журнала забегал другой рыбак библиофиль, местный историк Н. И. Агафонов, который долго следил за всем, что печаталось в Казани. Он схватил брошюру и, несмотря на все убеждения библиофила именинника, не отдал. Только после смерти Агафопова (в 1909 г.), библиотека которого была распродана, уникальная брошюра попала от бундистки к Лихачеву.

Профессор Киевского университета по кафедре славянской истории и литературы А. А. Котляревский (1837—1891), ревностный библиофил, составивший замечательную библиотеку, имел пристрастие печатать свои научные труды в странном числе экземпляров: 666, 333, 66, 33, 11 и 3. Однажды он предложил историю Н. И. Костомарову переиздать его «Славянскую мифологию» с своими дополнениями. Костомаров на это не согласился, но Котляревский все-таки напечатал книгу лично для себя, в единственном экземпляре.

Н. А.

ХРОНИКА

В редакции газеты «Бирбиджанер штер» состоялась встреча бирбиджанских писателей с молодым еврейским поэтом, помощником полтора М. Гурваном. Поэт читал свои стихи, получившие высокую оценку собравшихся.

Редакция газеты «Кировский рабочий» объявила конкурс на лучшее произведение о городе Кировске, которому в 1940 г. будет десять лет. Конкурс продлится до 1 октября. Лучшие произведения будут напечатаны в газете и изданы отдельным сборником.

На собраниях горьковских писателей избрано тайным голосованием бюро ССП в составе тт. Муратова, Кочина и Рязанова.

Слана в производство 3-я книга Иванова литературно-художественного альманаха. В ней печатаются: «Лето» — повесть В. Полторацкого, «Алексей Шкаров» — вторая книга повести Дм. Прокофьева, новые рассказы М. Шошина и И. Войтова, стихи Д. Семенового, А. Благого, М. Бритова, В. Курбатова, М. Садоскова, М. Дулина.

Большой театр принял к постановке новую оперу И. Держинского «Волочаевские дни». Либретто оперы написал поэт В. Гусев. Постановщик спектакля — заслуженный артист РСФСР Б. Мордвинов. Декорации пишет художник П. Вильямс. Премьера оперы «Волочаевские дни» состоится в декабре 1939 года.

В Ашхабаде открылись шестимесячные курсы бухки (скальтелин). На курсы приехали из глубинных районов Туркменистана 20 бухки.

НОВЫЕ КНИГИ

В издательстве «Советский писатель» выходит из печати и частично сдаются тиражи книг:

Бела Иллеш. Роман «Молодое вино». Роман ставит перед собой задачу показать национально-классовые отношения в буржуазном государстве на материалах Венгрии до фашизации этой страны.

Написан роман в форме воспоминаний человека, утратившего в юности националистическими идеями и затем увидевшего порочность этих идей и ставшего активным участником революции. Тираж 10 000 экз.

Н. Шпанов. «Первый удар». Повести и рассказы. Центральное место в сборнике занимает повесть «Первый удар» — об одном эпизоде будущей войны, о рейде военно-воздушных сил Красной Армии в глубокий тыл врага. Кроме этой повести, уже вышедшей отдельно массовым тиражом в издании Воениздата, вторая половина сборника включает повести и рассказы: «Егерь», в котором автор показывает бывшего белогвардейца, ныне японского шпиона и диверсанта, за его гнусной работой, его злобную, звериную ненависть к советским людям, плотно аквиривших для него границу; рассказ «Поход Мальгирема» — одна из трагических страниц полярной экспедиции Нobile.

В сборник включены также рассказы «На пятах», «Смерть Джинни», «Охотник со Свальбарда». Тираж 10 000 экз.

А. Митрофанов. «Ирина Годунова». Кроме основной повести, названной которой носит книга, в сборнике помещены два рассказа, переосмысленные в годы мировой войны на окраину Москвы, в среду ремесленников, учеников, нищих, воров. Тема рассказов — тяга к жизни, к освобождению тех, кто жил на задворках жизни. Тираж 10 000 экз.

Ю. Промитов. «В гостях у людей ущелий». Первая книга очерков молодого писателя об одном из очень интересных мест Советского Союза — высокогорной Хевсуретии. Автор показывает природу и быт-овладение этой страны. Тираж 10 000 экз.

Слана в производство и в июле выйдут хрестоматия античной литературы «Рим» — из двухтомника «Гречия» и «Рим». Инициатором этого издания был Алексей Максимович Горький.

Хрестоматия выходит под редакцией проф. Л. Тарасова и проф. А. Мишулина. Тираж 10 000 экз.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛЮШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН изд-ва «Советский писатель» Кузнецкий мост, 18. Тел. К 4-42-39. ПОКУПАЕТ художественную литературу в СТАРЫХ и НОВЫХ изданиях — всех РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ и ПЕРЕВОДНУЮ ИНОСТРАННУЮ. Для осмотра домашних библиотек высылаются товароисчисления.

НАРКОМПРО РСФСР ЦЕНТРАЛЬНЫЕ КУРСЫ ИНО-ЯЗ. ВОЗМОЖНО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

ПРИЕМ НА ОТДЕЛЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ. КУРСЫ ВЫПУСКАЮТ НА ГРАММЛАСТИНКАХ ФОНЕТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ. С заказами обращаться в областные базы Культурторга. Цена комплекта из шести учебно-практических пластинок вместе с двухсторонним — 30 рублей. Справки ежедневно, кроме обеденных часов, с 10 до 17 часов. Просьба высылать за 50 коп. почтовыми марками 10- в 20-дневный срок.

АДРЕС ИНСТИТУТА: МОСКВА, Кузнецкий мост, дом № 2. Ленинградское отделение: ЛЕНИНГРАД, Апрахнин пер., дом № 2.

Тенистые аллеи соснового парка ведут к старинному белому дому. Четыре башнеобразных флигеля соединены баскетными галереями, увитыми плющом. В центре полукруга большой усадьбы дом. В 1830 и 1831 гг. здесь, в Середниковском поместье своей бабушки Столыпиной-Арсеньевой, провел два лета юноша Лермонтов.

Бабушка поэта на время приезда внука приглашала гостить в Середниковском поместье, давшую столичный родня. Михаил подружился там с Аркадием Столыпиным. Вместе с ним и ватагой крестьянских ребят мальчишки, переодетые в сафьян, шныряли из пологих, и прилегли борю и усы на навали, прятаясь в развалинах старой бани, пуная проходных видениями «нежитьи силы».

Шумная, веселая компания затеивала игры в парке, часто каталась на лодках в большом пруду, устраивала пикировки в окрестных лесах Середникова, ездил в гости в соседние имения.

В трех километрах от Середникова находилось поместье Сушковых, там жила мамашинья барышня Катя Сушкова.

Свою первую любовь, первые разочарования поэт выразил в стихотворении «Нищий», написанном в Середникове под влиянием этих чувств.

Шестнадцатилетний поэт написал в это лето еще несколько лирических стихотворений, полных разочарования, скептицизма, тоски («Болю и люди», «О, полно называть разврат»),

Жизнь юноши в Середникове постоянно омрачалась приездами отца. В эти дни в веселом середниковском доме возвращалась зловонная тишина Юрия Петровича Лермонтова настоячиво требовал, чтобы сын переехал к нему. Он заперзал в своей комнате. Там между ним и бабушкой происходили бурные объяснения.

Михаил убежал в лес, на кладбище. Он забирался в дупло дуба, стоявшего подле церкви екатерининских времен, раскрывал Байрона и погружался в чтение. В 1831 году он прибежал сюда же, к своему любимому дереву читать «Страдания молодого Вертера» Гете.

Дома атмосфера была накалена до предела поистинными ссорами отца с бабушкой. А здесь было тихо, шумели листья дуба, таинственно белели в зелени кресты могил.

Солнце льется на пяти окон, заливая светом пустые стены, гладкий пол.

Тут должна быть устроена комната Лермонтова. Здесь надо разместить все, что принадлежало Арсеньевой, все, что жило в старом доме вместе с Лермонтовым. А рядом, в обширном овальном зале, надо устроить выставку монографии, рукописей, документов, портретов, картин. Необходимо реставрировать любимые аллеи заросшего парка, восстановить разрушенные мраморные мостики у пруда.

Часть санатория должна быть выделена для создания подмосковного музея Лермонтова.

Ведь «Мцыри» — это историческое место, связанное с именем гениального поэта России.

М. ЖЕЛЕЗНОВА.

НА ПОЭТИЧЕСКОМ ДЕКАДНИКЕ

На последнем поэтическом декаднике обсуждались новые стихи И. Френкеля. В центре обсуждения оказались стихотворение «Солдат» и поэма «Дело было в Ревеле». Эти вещи, по мнению большинства выступивших, наиболее интересное из написанного Френкелем за последнее время.

А. Коштинский отметил поинформность стихов Френкеля, умение поэта передать ритм живой речи. Стихотворение «Солдат», по мнению А. Коштинского, сделано с настоящей песенной живостью. Коштур дает четкую картину. Ужас безомовия (поле битвы с мертвыми телами) хорошо оттенен единственной живой деталью, которую вводит поэт, — лошади, жутище зеленые ветки. В этом же стихотворении поэт наш хороший переход из одной тональности в другую. — Вообще Френкель силен в своих «шумных» многоголосных стихах, — заключает А. Коштинский, — стилизованное же стихотворение «Измаил и Мирна» высоко и натурно.

А. Ромм, высоко оценивая поэму «Дело было в Ревеле», считает, однако, что поэт здесь слишком часто расстрачивает свои силы на решения чисто формальной зада-

чи. Это мешает органическому развитию поэмы.

Поэма «Дело было в Ревеле» посвящена героическому эпизоду освобождения матросами «вечников», заключенных в Ревельской тюрьме. Некоторые товарищи полагают, что разговор матросов с заключенными сделан речесурч митингов. Здесь нужно больше человечности, теплоты.

А. Евгеньев говорит о недоработанности этой в общем интересной вещи, об отсутствии органической связи между двумя эпизодами — разговором матросов с начальником тюрьмы и сценой в камере заключенных. Поэма, по мнению Евгеньева, должна быть освобождена от некоторых лишних деталей.

С. Шпачев, отметив оригинальность последних вещей Френкеля и своеобразные найденные поэтом ритма, заявил, что поэма нуждается еще в серьезной доработке.

П. Антокольский, считающий поэму удачей Френкеля, подчеркнул трудность поэтической задачи. Поэма названа «Дело было в Ревеле», но она не передает специфичности обстановки.

Е. АЛЕНСКИЙ.

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЕТ СКАЗИТЕЛЕЙ

20 июня в Центральном доме работников искусств открылся первый всесоюзный слет сказителей, посвященный XVIII съезду партии.

К этому дню в столицу съезду 30 сказителей. Из Архангельской области придет замечательная сказительница Марфа Крюкова. Она прочтет на слете свои новые былины, сложенные во время украинского слета козарей и лириков, — «Струночки — золочение» (приветствие козарям Украины) и былину о Шевчен-

ко. Другая сказительница Архангельской области, Голубкова, познакомит москвичей с поэмой «Среди тундры город вымахал» — о социалистическом строительстве в гундере. Воронежская сказительница Барышниковна — создательница антиреалистических сказок — исполнит их на слете.

Карельская сказительница Пашкова прочтет свою последнюю былину «Плач о Чукотке».

Тов. Морозова (калиннинская сказительница) прочтет «Сказ об озере Хасан».

лучается, что, не желая между собой сорваться, люди избегают критиковать друг друга открыто, творчески замыкаются, внешне сохраняют товарищеские отношения, а в сущности очень глубоко разведены.

Такой творческой разобщенностью писатели пользуются, ведя свое литературное приспособление. Они не стесняются вылавливать свои бездарные писания за всесоюзную литературу, не боясь «критиковать» всех. Причем, критикуя своих, превращают в окрик, а критику в отношении себя воспринимают, как оскорбление собственной личности и на это соответствующим образом реагируют.

Такие люди, не состоя, к счастью, в союзе писателей и не будучи в руководстве ССП Мордовии, все же действовали в мордовской литературе и, надо сказать прямо, задавали тон.

Объясняется это тем, что молодая писательская организация Мордовии не нашла еще в себе сил объединиться в оплодотворенный коллектив, установить подлинно дружеские отношения между ее членами, развить большинство критику и самокритику внутри организации.

А не произошло это потому, что некоторые товарищи мордовские писатели, при всей их скромности и даже, а бы сказал, излившей робости при выступлениях перед советской общественностью, слишком уж высокомерно относятся друг к другу. Поэтому и нет между ними творческого сотрудничества, не стремятся они помогать друг другу, не боятся за ошибку товарища и не исправляют ошибку; слишком уж бояться они навлечь на себя гнев приспосабливцев, не дают отпора им, предпочитают «драке» творческое одиночество. При всем том национальная мордовская литература есть, она растет, есть и растут мордовские писатели.

Совсем недавно молодой драматург Петр Кириллов написал первую в истории мордовской литературы пьесу «Литова». Сюжет пьесы автор заимствовал из легенды о храброй мордовской девушке, которая, по поручению Степана Разина, под видом падальщицы лет к своему народу, пропагандирует идеи борьбы против князей и помещиков, подымает народ и становится во главе народного восстания.

Литературная газета

6 № 33